

18+

Юрий Теплов

СПАСЕННОМУ РАЯ НЕ БУДЕТ

Трилогия.
Книга вторая. Голгофа

Юрий Теплов

**Спасенному рая не будет.
Трилогия. Книга вторая. Голгофа**

Теплов Ю. Д.

Спасенному рая не будет. Трилогия. Книга вторая. Голгофа /
Ю. Д. Теплов —

ISBN 978-5-44-858765-8

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Трилогия состоит из трех романов — «Воскресший
утопленник», «Голгофа» и «Грязное дело». В романах переплетаются
современность, основанная на фактическом материале, и не столь давняя
история. Детективная линия соседствует с фантастикой, опирающейся
на «Евангелие», а также другие канонические и апокрифические
издания. В первой книге рассказывалось о том, что главный герой трилогии
Алексей Усольцев вдруг обнаружил у себя способности исцелять людей
и читать чужие мысли.

ISBN 978-5-44-858765-8

© Теплов Ю. Д.

Содержание

Хождение	6
Разборка	21
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Спасенному рая не будет Трилогия. Книга вторая. Голгофа

Юрий Дмитриевич Теплов

© Юрий Дмитриевич Теплов, 2018

ISBN 978-5-4485-8765-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Хождение

1

В Екатеринбурге беглецов ждали Диоген с Наумычем, поселившиеся в пассажирском вагоне, превращенном вокзальной администрацией в ночлежку. Алексей и его спутники рассчитывали провести в городе несколько дней, но дни растянулись на две с лишним весенних недели. Перво-наперво они арендовали у железнодорожников четырехосный товарный вагон с подённой оплатой и оформили фрахт до станции Асино Томской области с открытой датой отправки. Вагон служил будущим коммунарам и жильем, и складом, и командным пунктом.

Алексей поручил Диогену и Наумычу приобрести четыре куба досок и сколотить в вагоне нары. Андрюху определил им в помощь.

– Не мешало бы и курева прозапас купить, – просительно посоветовал Диоген.

– Ага, надо, – неуверенно поддержал его Андрюха.

– А мне не надо, – тряхнул бородежкой Наумыч. – Я всю махру из дома забрал.

Алексей мгновенно вспомнил свою первую сигарету, которую попытался выкурить после возвращения с Острова. Тогда он ощутил ожоговый укол в левую ладонь и сразу же – тошноту. Ни слова не говоря, он ухватил левую кисть Андрюхи, нащупал на ладони подкожное просяное зернышко и сдавил его. Тот вскрикнул, вытаращил глаза, лоб его покрылся испариной.

– Все, Андрей, – сказал ему Алексей, – курение тебе противопоказано.

Диоген, сообразив, что происходит, отодвинулся за спину Наумыча.

– Подойди ко мне! – приказал ему Алексей.

– Не-ет! – боязливо вскрикнул тот, но, не в силах сопротивляться, все равно приблизился.

Ту же процедуру Алексей проделал и с ним. Заметно обеспокоенный собственной перспективой Наумыч опасливо произнес:

– Слышь, Николаич, не выбрасывать же махру! Дозволь мне скурить ее?

– Дозволяю...

Вместе с Игорем и Капитолиной Алексей колесил на уазике по городским магазинам, закупая все, без чего нельзя обойтись в дальнем пути и на новом месте жительства. Много чего понадобилось: спальные мешки, большая палатка, полушубки, инструмент, дизельная электростанция на два киловатта, печка буржуйка, амуниция, необходимый запас продовольствия и куча всякой мелочевки. Денег, экспроприированных из тайника Баклажана, не жалели.

Когда загрузили вагон и загнали в него уазик, в нем стало тесно, как в танке. Ну, да в тесноте – не в обиде.

В путь тронулись на исходе марта. Снег в Екатеринбурге бурно таял. Но чем дальше уходил товарняк на восток, тем упорнее сопротивлялась календарю зима. Ехали ни шатко, ни валко. Подолгу стояли на перегонах. На узловых станциях вагон несколько раз перецепляли к новому составу и сутками муржили перед тем, как отправить. Как бы то ни было, но ранним утром добрались до станции Асино.

Их вагон отцепили и загнали в тупик. Там они спустили по настилу уазик, и Алексей с Игорем, прихватив Капитолину, поехали на разведку. Им повезло. Прямо на станции, в замурованном семечной шелухой зале ожидания они узрели объявление, предлагавшее услуги грузового такси. В объявлении значился номер телефона и имя – Серафима. Алексей тут же позвонил. Откликнулась женщина с довольно приятным голосом.

– Вам в какую сторону?

– До Смолокуровки.

– Три тысячи рублей.

Роль грузового такси выпала на долю выдавшего виды «Урала». В него загрузили всё, что закупили в Екатеринбурге. В уазике разместились команда. Алексей занял место в кабине грузовика.

Выехали ближе к полудню. Впереди – «Урал», за ним – уазик.

Шофер по имени Памфил, муж Серафимы, дюжий красномордый мужик, оказался любителем поговорить.

– Откуда будете? – поинтересовался он.

– Из Екатеринбурга.

– А я, как родился тут, так и живу. Только когда в армию призвали, под Читку попал. Нормально отслужил, все два года за баранкой. А ты где служил?

У Алексея не было желания распространяться о себе, потому он коротко ответил:

– В Средней Азии.

Водитель удовлетворился ответом и поведал случайному пассажиру, что после развала Советского Союза едва сводил концы с концами. А потом подфартило. Расформировали воинскую часть, и военное начальство стало распродавать все, что только можно. У них и присмотрел Памфил разбитый в аварии «Урал». Покорежен он был, в основном, снаружи, нутро же было вполне приличным. Вопреки возражениям супруги, решился взять кредит и стал владельцем грузового вездехода. Больше месяца приводил его в товарный вид. И вот, катит теперь по любой дороге.

Между прочим, рассказывал Памфил, с клиентами на первых порах было туго, пока не развесили в самых людных местах объявления. Первыми объявились кавказцы с фруктами. Торговались, как злыдни. Это у них положено – торговаться. Их он доставлял на рынки. Геологи пару раз нанимали, эти никогда не торговались. В общем, без работы не сидел. Народ в мутные времена завсегда колобродит, туда-сюда мотается, ищет, где жизнь легче. И нажитое добро с собой тащит.

Алексей слушал его и думал о том, что прав шофер: в мутные времена люди мечутся и, в конце концов, оказываются на самом дне жизни. Выплывают немногие, самые рискованные. Хочешь жить – умей вертеться и ползать.

– А с кредитом как? – спросил он, чтобы поддержать разговор.

– Через год расплатился. Теперь старшей сестре помогаю и племяннику. Сеструха старше меня на шестнадцать годов.

– Налоговая не прижимает?

– Торгашей, может, и прижимает. А с меня что взять? Живу, как в рекламе: «Заплати, и спи спокойно!»

– А рэкет?

– Рэкет прописался в Томске. У нас так, баловство. На рынке, конечно, стригут, но своих не трогают. Все местные – либо родня, либо хорошо знакомые.

Алексей не стал больше ни о чем спрашивать. Глядел на голый унылый лес по обочинам, на хмурое небо, а видел крутой лиственничный берег беспокойной реки и степенных бородастых мужиков в старинных армяках. И не задумывался, с чего бы нарисовало их воображение. Но то, что это видение явилось не попусту, не сомневался.

Видно, в тягость молчание было Памфилу, потому как он снова заговорил:

– Между прочим, признаюсь тебе, что нашу таксу Серафима завысила. До Смолокуровки я две с половиной штуки беру. Но ты не торговался, значит, так тому и быть.

Этот факт и без его признания не был для Алексея секретом. Мысли шофера были прозрачны, как магазинная витрина. Тот даже слегка жалел пассажиров-лохов, уплативших по недомыслию лишних пятьсот рубликов. Теперь гадал, по какой нужде они пожаловали в его края.

– Небось, геологи будете? – решил удостовериться Памфил. – Угадал?

– Не угадал.
– Кто же вы?
– Тоже ищем, как ты сказал, где жизнь легче.
– В Смолокуровку-то зачем?
– Дальше по реке пойдем.
– Понял. К газовикам решили податься. Деньга там, конечно, хорошая, а жизнь паскудная. Однако ждать вам придется, пока по Чулыму баржи пойдут.

– А катер нельзя раздобыть?
– Почему нельзя? За деньги все можно.
– А обменять на уазик?
– На этот? – кивнул головой Памфил назад, где следом за «Уралом» полз по апрельской распутице уазик Игоря. – На этот можно, хорошая машина. И знаю, кто на обмен пойдет. Когда рыбацкая артель в Смолокуровке распалась, катер у них купил по дешевке бригадир лесорубов Афоня. Зачем купил – и сам, наверно, не знает. К рыбалке у него тяги нету, сыновей Бог не дал, одни дочки. Им катер ни к чему. Так и ржавеет во дворе.

– Катер на плаву?
– Что ему делается? Главное, торгуйтесь. Афоня еще и придачу даст. Мужик он прижимистый, деньга у него водится. И трейлер пусть обеспечит, чтобы на берег посудину уволочь. У них в бригаде и трактора, и трейлеры есть. До полой воды еще с полмесяца, успеете профилактику катеру сделать. Жить-то где станете это время?

– Мир не без добрых людей. Пустит кто-нибудь на недолгий срок.
– Так моя сестра пустит. Она как раз в Смолокуровке живет. Я все равно к ней собирался. А тут вы подвернулись. Изба у сеструхи большая, теплая. Возьмет недорого, по сотне с человека за все время. Только она слегка того, заговаривается. Как мужик преставился, с тех пор у нее и началось. Память сбиваться стала, всё забывает. Спросит о чем-нибудь, а через минуту снова спрашивает. В основном, у печки и на печке. Если на улицу выйдет, свой дом не может найти. Хорошо, что за ней внук Шурик присматривает. Толковый парнишка! Не то, что его непутевые родители. Мать Шурика – дочь сестры, а отец – из бичей. Приблудился к ней, да и остался.

Оба автомобиля ползли по разбитой колее, хоть и медленно, но уверенно. Как бы ни было, но к сумеркам добрались до Смолокуровки. Памфил свернул с главной улицы в проулок и остановился у почерневшей от времени, но крепкой пятистенной избы с просторным двором. По-хозяйски открыл калитку и ворота. На шум из избы выглянул худенький белобрысый парнишка в хлопчатобумажном трико.

– Привет, Шурик! – крикнул ему Памфил. – Я тебе бахилы для рыбалки привез и сотовую трубку. Теперь всегда сможешь нам позвонить.

– Ой, спасибо, дядя Памфил!
– Постояльцев вам подыскал. Поживут у вас малое время. Возьми в кузове рюкзак с городскими продуктами и скажи бабке, что нас семеро. Ужин на всех. И баню протопи для постояльцев.

– Сам-то на сколь приехал?
– Поужинаю – и назад.
– Рыбалить бы смотались, а?
– Некогда мне, Шурик. Клиентов не охота упускать. Завтра воскресенье, самая работа. В просторную и почти пустую комнату постояльцев проводила хозяйка.
– Как вас звать-величать? – обратился к ней Алексей.
Она на некоторое время задумалась и не очень уверенно ответила:
– Баба Паня.
– Меня – Алексей.

Он вручил ей тысячу рублей. Она растерянно произнесла:

– Сдачи нет. Памфил тоже две такие бумажки дал.

– Сдачи не надо, – успокоил ее Алексей.

– Я вам буду картошку жарить и пирожки с капустой печь, – не осталась в долгу баба Паня и, помолчав, спросила:

– Тебя как зовут?

Алексей еще раз назвался, и она вышла в горницу.

В отведенной им комнате приткнулись к стене громоздкий самодельный комод и большая деревянная кровать, смастеренная когда-то хозяином. Больше ничего не было. Впрочем, это не обеспокоило будущих коммунаров. Кровать определили для Капитолины с Игорем. Остальные беглецы могли вольготно расположиться на полу. У каждого был персональный спальный мешок и по два комплекта постельного белья.

– Очень даже приличный номер! – оценил новое жильё Диоген.

Пока устраивались на новом месте, поспел ужин. Шурик кликнул их.

Кроме русской печи с лежанкой и приступкой, в горнице стоял сколоченный в давние времена большой стол с лавками по бокам. Стол был уставлен деревенской снедью: огромная чугунная сковорода с жареной на сале картошкой, две миски с солеными огурцами и помидорами, деревянная доска с ломтями ржаного хлеба и широкое блюдо с румяными пирожками. Посреди, в окружении семи стаканов, красовался графин с мутной жидкостью.

– Во, косорыловка! – первым узрел выпивку Наумыч. Вопросительно покосился на Алексея. Тот понял взгляд:

– Только по одной, с устатку.

Памфил возложил на себя обязанности разводящего, придвинул графин, демонстративно отставил один стакан:

– Мне не положено: в обратный рейс пойду.

– Я вообще не пью, – откликнулся Алексей. – Он – тоже, – показал на Андрея.

– И мне не надо, – отказалась Капка.

Тот удивленно и недоверчиво оглядел кампанию. Однако налил на троих: двум дедам и Игорю. Диоген свой стакан в руки не взял, произнес значительно:

– А себе, Памфил? Неужли с такой тары голову замутит?

– Не сажусь за баранку, выпивши, хоть гаишников и нет на этой дороге.

– Тогда и я не буду, – ответил Диоген и отодвинул питьё. – Без хозяина можно только ключевой водой пробавляться.

– Ладно, уговорил. С утречка поеду, – набулькал себе до краев. – Ну, со знакомством!

– За мудрых людей! – откликнулся Диоген, и мелкие черты его небритого лица сложились в умильное выражение. В виду он имел, конечно, не Памфила, а себя и еще, возможно, античного философа, поселившегося в бочке.

Ужинали молча и деловито. Памфил хотел налить по второй, но Алексей запрещающе поднял ладонь. Тот наполнил свой стакан наполовину. Укоризненно покачал головой: «Чудные вы люди», – и одним глотком опрокинул содержимое в рот.

Баба Паня меняла на столе тарелки, сказывалась привычка к прежней семейной жизни. Шурик, затопив баню, сидел на печной приступке и терзал привезенный дядькой мобильный телефон.

– Шурка! – окликнул его захмелевший Памфил. – Доложи, как учишься!

– Средне.

– Это как «средне»?

– Тройки. Четверки тоже есть.

– Нормально. А на «пятерки» слабо?

– Уроков много. Учить некогда.

– Понятно, хозяйство тянешь. А рыбалка как?

– Налим по ночам идет.

Алексей, услышав про рыбалку, вздохнул: с нее всё и началось. С той ночевки на Острове он ни разу не выбрался к воде. Ему вдруг страстно захотелось оказаться на льду у лунки, в которой вот-вот шевельнет красной головкой притопленный поплавок.

Памфил сглотнул еще полстакана и передал Шурику графин, чтобы не соблазнял утробу. После ужина, когда хозяйка уже собралась залезть на печку, Алексей сказал ему:

– Пускай твоя сестра приляжет на кровать. Я ей голову прощупаю.

– Это еще зачем? – недоуменно спросил тот.

– У нее тромб в канале памяти.

– А ты откуда знаешь? Доктор что ли?

Алексей обошел вопрос молчанием.

– Я ее в областную больницу возил. Там сказали, что это возрастное, от депрессии, лечению не поддается.

– Поддается.

– Неужли вылечить можно?

– Попытаюсь.

– Ну-ну, – недоверчиво бормотнул Памфил.

Он пошептался с сестрой. Бережно взял ее за плечи и провел в спальню. Алексей шагнул за ними. В спальне стояли две кровати. На одну из них Памфил уложил сестру. Она легла и закрыла глаза, вроде как задремала.

Алексей, не касаясь седых волос, повел ладонью вдоль головы. С левой стороны, ближе к затылку, ощутил, что тепло, исходившее от головы, будто обрезали. Мертвая зона была небольшой, но устойчивой, и тепло ладони не смогло ее пробить. Он приподнял поочередно кисти бабы Пани, отыскивая родниковую точку. Не нащупал, хотя в пальцах появился легкий зуд.

– Сними с нее носки, – попросил он Памфила. – И скажи Шурику, чтобы принес таз с холодной водой.

Памфил сдернул с ног сестры козьи вязанки и вышел в горницу. Через минуту сам внес таз с водой, поставил его перед кроватью.

Родниковую точку Алексей обнаружил на левой ступне, сухой и неестественно белой. От нее толчками исходили теплые выбросы отторгнутой энергии. Он стал разминать этот участок. По его пальцам заструилось тепло. Когда оно скопилось в самых кончиках пальцев, он стряхнул его в таз. Баба Паня тоненько охнула, хрипло задышала. К ее лицу прилила кровь, она широко открыла глаза, словно пыталась что-то сказать.

Памфил забеспокоился, но Алексей жестом велел ему не суетиться. Он и сам взмок, хотя физических усилий почти не прилагал. Его пальцы автоматически вытягивали из организма черную муть, защищавшую тромб. Он не давал ей раствориться в воздухе, заставлял стекать в таз с водой. В эти мгновенья ему приходилось напрягаться, и между лопатками струились капли пота.

Алексей не ощущал течения времени. А между тем прошло уже полтора часа. Наконец, баба Паня закрыла глаза и ровно задышала. Алексей встал и, пошатываясь, вышел в горницу. На лавке сидели Диоген с Наумычем.

– Андрюха уже удрых, а Капка с Игорем... – начал Диоген, но Наумыч дернул его за рубашку, и тот замолк.

Деды потеснились, словно приглашали своего предводителя присесть рядом. Алексей опустился на скамью, привалился спиной к стене и смежил веки. Вышедший из спальни Памфил уставился на него, но на вопрос решился, когда тот открыл глаза.

– Ну, как?

– Воду из таза выплесни. Укрой сестру теплым одеялом и проветри комнату. Не вздумайте ее будить. Через сутки или раньше сама проснется.

– А с памятью что?

– Память восстановится.

Памфил недоверчиво поглядел на Алексея, но вслух сомнения не высказал. Только взмахнул рукой и заявил:

– Ладно, останусь на сутки. Хрен с ним, с воскресеньем!

В горницу вошел со двора Шурик:

– Баня теплая, – обратился он к Алексею. – Пару, конечно, мало, но мыться в самый раз. Ваши семейные уже отбанились.

Утром Капитолина, чтобы накормить мужиков завтраком, вызвалась заменить у печки хозяйку. Но Шурик не позволил, видимо, не впервой ему было кухарить самому. Озабоченный Памфил неприкаянно слонялся по горнице, несколько раз заглядывал в спальню, пылливо вглядывался в бледно-розовое лицо сеструхи. Было заметно, что он весь в маете, с нетерпением ждет ее пробуждения, и никак не может поверить в исцеление.

После завтрака Алексей решил успокоить его:

– Все будет в порядке, Памфил!

– Хотя бы проснулась!

– Проснется здоровенькая, не переживай. Подскажи лучше, где нам найти лесоруба Афоню, у которого катер.

– Дома он сегодня. Они из тайги в субботу к вечеру выгребают. В баню. Сплав начнется, не до бани будет. Я и сам с вами прокачусь. Подскажу, что к чему, да и торговаться помогу.

День, не в пример вчерашнему, выдался солнечным и теплым. Лед на реке Чулым, вдоль которого Игорь вел уазик, отошел от берега и потемнел, на нем появились проталины, возвещающая о скором вскрытии. На буграх снег сошел, в низинках превратился в кашу. Талая вода сбивалась в говорливые ручьи, стекавшие с крутого берега.

Афоню они застали во дворе в компании с приятелем. Они сидели в салоне катера у откидного столика, на котором красовались литровая банка с самогоном и миска с солеными огурцами. Как и положено, отдохали после тайги и вчерашней бани.

– Погодите на улице, – сказал Алексею Памфил, – я сам с ним сперва переговорю.

Минут через пять он вышел из калитки вместе с Афоней. Коренастый, как лесной кряж, с пепельной, побитой заметной проседью растрепанной шевелюрой, красноносый хозяин катера заявил густым басом:

– Поглядеть на коня хочу. Чтобы фуфло не всучили.

– Гляди, – ответил ему Игорь. – А я хочу пощупать твое корыто.

Афоня наморщил лоб, переваривая «корыто».

– Щупают только баб! А у меня плавсредство! Понял? Рыболовецкое судно!

Игорь с Памфилом удалились к плавсредству. Алексей остался в машине. Афоня забрался на водительское сиденье и повернул ключ зажигания. Прислушался к ровному тараканию движка. Скорчил недовольную гримасу. Тронул уазик с места, доехал до берега Чулыма, развернулся в обратную сторону. Недовольная гримаса будто приклеилась к красному лицу.

Алексея она не могла обмануть. Состояние машины вполне удовлетворило Афоню, но он держал марку.

– Пальцы стучат, – непрекаемо объявил он, остановившись у своих ворот.

Мысли Афонии читались, как букварь: «Памфил сказал, что эти лохи хотят придачу в двадцать тысяч. Хрен им! Собью до пятнадцати, а может и до десяти. Но тачку упускать нельзя! Хватит в кузове на делянку мотаться! На этой тачке по любой просеке проедешь».

– Ладно, согласен меняться, – после паузы, должной означать сомнение, сказал он. И тут же добавил: – Хотя и придется повозиться с ремонтом.

– Не ври! – ответил Алексей. – Ремонта машина не требует. Если твой катер в порядке, доставишь его на пристань и доплатишь 20 тысяч рублей.

– Да ты что? Какая доплата?

– Как хочешь, – с этими словами Алексей вылез из машины, распахнул калитку и позвал: – Игорь, Памфил!

– Эй-ей! – опешил Афоня.

Вышедший из калитки Игорь сообщил Алексею:

– Посудина, конечно, поржавела. Электропроводку подновить надо. Движок перебрать. Две доски на палубе заменить. Трюм надежный. Отмыть его и вполне можно продукты хранить.

– Обойдемся без катера. Хозяин заартачился, – ответил он, зная, что произойдет дальше. – Машину в Томске продадим.

– Вы что, мужики! – всполошился Афоня. – Так не делается. Давай поторгуйся!

– Что ты предлагаешь?

– Десять в придачу.

– Эх, Афоня! Тебе же надоело в кузове мотаться по бездорожью. Так пользуйся моментом.

– Пятнадцать! – выдохнул тот.

– Ладно, уговорил.

В голове бригадира лесорубов мелькнуло удовлетворение: пятерку все же отстоял! Памфил же явно огорчился из-за такой уступки.

– По рукам! – воскликнул Афоня, протягивая широкую короткопалую ладонь. – А теперь прошу ко мне, обмоем это дело!

– Мы не употребляем, – отказался от приглашения Алексей.

– Староверы что ли?

– Нет, здоровье бережем.

– У нас иногда скитские староверы появляются, они тоже не пьют. И не курят, вера не дозволяет.

– Издалека приезжают?

– Кто их знает! Говорят, их скит где-то на Васюгане. Дикарями живут.

– Каждому своё, – ответил Алексей. – Дайте знать, когда катер будет на берегу.

– Я в темпе отволоку его и закреплю канатом. Чулым разольется и примет судно, не надо будет самим спускать его на воду.

– Хорошо. Тогда и поедем оформлять сделку.

– Куда поедем? Доверенность нарисуем, и все дела! Племяшка моя – секретарша у местного нотариуса. Враз сделает!

На том и порешили.

Часа три всего прошло, как они выехали со двора бабы Пани, но дорогу развезло еще больше. Она превратилась в грязно-белое месиво. Но узик преодолевал его без особых усилий. Памфил сказал:

– Зря вы уступили Афоне пять штук.

– Не люблю торговаться, – ответил Алексей.

Игорь хмуро крутил баранку. Алексей понимал, что ему жаль расставаться с машиной. Но в тайге она стала бы обузой.

Подъехав к дому, они увидели у калитки Шурика.

– Ты чего тут? – спросил его Памфил.

– Бабку высматриваю.

– Проснулась?

– Ага. Пошумела на меня, что дров не наколол. Спросила, где ты шляешься. Слазила в погреб за салом, наварила целый котел щей. Потом в лавку нацелилась. Я хотел проводить ее, так она на меня цыкнула, прямо, как раньше.

– Так у нее что, память вернулась?

– Похоже на то.

Памфил внимательно поглядел на Алексея, но ничего не сказал. Решил убедиться самостоятельно.

Такая возможность представилась ему через полчаса, когда хозяйка возвратилась с покупками. Едва появившись на пороге, она сердито выговорила младшему брату:

– В базарный день самые заработки, а ты, Памфил, у нас баклуши бьешь! Рыбальить, что ли собрались с Шуркой? Приезжай в будний день, и рыбальте!

– Паня! – только и выговорил Памфил.

– Где квартиранты-то?

В горнице был один Алексей. Игорь с Капкой ушли обозрывать округу. Деды с Андрюхой, удалившись в «номер», играли затрепанными картами в дурака.

– Собирай жильцов, – распорядилась хозяйка, – обедать будем.

Памфил только улыбался, глядя на сестру.

После сытного обеда без выпивки Памфил стал собираться домой. Перед тем, как отправиться в путь, он присел рядом с Алексеем на крыльцо.

– Я твой должник, – сказал. – Приеду – расплачусь.

– Нельзя, Памфил, благое дело мерить деньгами.

– Чем же его мерить?

– Ответными благими делами.

– Ага, благими! Полштуки лишнего с тебя содрал. Ты не из попов, Алексей?

– Нет.

– Вот я думаю, как получается, что доктора ничего не смогли, а ты вылечил?

– Науке многое еще не известно.

– Но тебе же известно!

– Можешь считать меня знахарем.

– Не верил я раньше знахарям, а тебе верю. Одного не пойму, на хрена ты к газовикам подался? С твоими способностями ты везде можешь иметь хорошую деньгу.

– Деньги, конечно, всем нужны, Памфил. Но их избыток корёжит душу.

Шофер не ответил, хотя в мыслях его и мелькнуло: «Избыток, может, и корежит, а нехватка, уж точно, злобит». Еще он думал о том, чем отблагодарить чудного знахаря. И вроде бы придумал:

– Пока вы тут, я еще наведаюсь. Приеду дня на два-три. Помогу вашему Игорю с катером. Ну, бывай, Алексей! Пора мне.

Памфил зашел в дом, чтобы попрощаться с родней. Шурик появился во дворе, открыл ворота и помахал рукой вслед родимому дядьке.

2

Новость о том, что квартирант бабы Пани вернул ей память, облетела с легкой руки словоохотливой продавщицы всю Смолокуровку. Она вызвала всеобщее любопытство и желание поглазеть на пришлого знахаря.

Алексей отправил свою команду за провиантом и сидел в своей комнате над атласом Томской области, когда в избу матери заявились дочь Ульяна и ее приبلудный муж.

– С выздоровлением, мам! – услышал он. – Твой знахарь-квартирант дома?

– С сыном поздоровайтесь! – сердито откликнулась баба Паня.

– Привет, Шурик!

Алексей вышел в горницу и представился по имени-отчеству. Ульяна, расплывшаяся, с опухшим, но сохранившим следы былой миловидности лицом, кокетливо пропела: «О-очень прия-атно!», протянула Алексею ладошку и назвала себя. Муж буркнул из-за ее спины:

– Гавря.

У него было примечательно бугристое лицо: с холмиками, рытвинками. Когда он открывал рот, все это оживало, шевелилось, и производило странное впечатление.

Ульяна шустро приблизилась к матери, наклонилась к ее уху. Алексей не услышал, но уловил ее шепот:

– Твое выздоровление отметить надо. У тебя найдется?

– Нет! – вслух ответила баба Паня. – Пока я не в себе была, вы у Шурки всё выманили.

Ульяна недовольно сморщила нос и обратилась к сидевшему у телевизора сыну:

– Шурок! Слазь в погреб, глянь, может, завалилась там банка?

– Вчера только лазил, остатки дяде Памфилу слил.

– Он вам денег привез? – она явно оживилась.

– Привез, – не решился на обман Шурик.

– И то, покрутил пару часов баранку, и несколько сотен в кармане. Мам, дай взаймы сотенку!

– Не дам! Сала шматок отрежу. И картошки ведерко отсыплю.

Шурик щелкнул кнопкой пульта, и на экране телевизора появился зал заседаний Госдумы с депутатами крупным планом.

– Во! Жирик! – воскликнул Гавря, и бугристое лицо его зашевелилось, обрисовывая неровности.

– Ага, жирует, – откликнулась Ульяна. – Все они там тыщами ворочают.

– Шурка! – позвала баба Паня внука. – В сенях графин стоит, после Памфила остался. Принеси. Слазь в погреб, отрежь родителям сала и отсыпь ведерко картохи.

Сжалилась все-таки старая над жаждущими дочерью и зятем. Шурик принес на четверть заполненный графин и миску с солеными помидорами. Гавря проворно переключал за стол.

– Садитесь! – пригласила Ульяна Алексея.

– Мы уже позавтракали.

– А соточку в честь знакомства?

– Не употребляю. Чайку выпью.

Гавря разлил самогон в два стакана. Без тоста выцедил свою долю до дна. Ульяна отпила половину. Баба Паня, стоя у печки, осуждающе наблюдала за ними. Шурик, вернувшись со двора с ведерком картошки и завернутым в чистую холстину салом, снова устроился перед телевизором и щелкнул переключателем.

Перед зрителями предстали сначала Максим Галкин в обнимку со стареющей примадонной эстрады, затем ее бывший молодой муж.

– Во! Зайка! – опять воскликнул Гавря.

Ульяна досадливо осадилла мужа:

– Твоему Зайке шмель в задницу залетел, вон как дергается! Сколько раз скакнет, столько тыщ и отхватит. Переключи, Шурик!

Новый канал транслировал соревнования по теннису.

– Во! Шарапова! – подал голос Гавря.

– Ага, Шарапова, погоняла мячик, и тыщи огребла!

– Хватит тебе про деньги! – осадилла ее мать.

– А я – что? Не права? Кто от жиру бесится, а кому на чекушку не хватает!

– Работайте, и будет хватать!

Жизненный уклад этой семейной парочки не стал для Алексея открытием. Они перебывали случайными разовыми заработками и подачками доброхотов, отчаянно завидовали удачливым, сами же не желали палец о палец ударить, чтобы изменить свое бытие. Понятно, что баба Паня осуждала дочь за безделье и пристрастие к выпивке и винила во всем зятя. Но дочь есть дочь, она жалела ее и, чем могла, помогала.

Алексей допил чай и вперил тяжелый взгляд в переносицу Ульяны. Она сделала попытку улыбнуться в ответ, но у нее ничего не получилось. Тело ее ослабло и привалилось к стене. Лицо стало жалобным, как у ребенка, затем разгладилось и застыло с открытыми, ровно бы остекленевшими глазами.

Баба Паня возилась у печки. Шурик, выключив телевизор, скрылся в спальне. Гавря сопел и клевал носом. Алексей продолжал сверлить взглядом Ульяну, отчего она судорожно вздрагивала и встряхивала головой. Затем снова замирала.

Так прошло минут десять. Баба Паня заметила состояние дочери, спросила:

– Уснула она что ли?

– Пусть поспит, – ответил ей Алексей. – А Гавре пока найдите какую-нибудь работу.

– Эй, Гаврила! – тронула она зятя. – Поди-ка дров наколи! Отработай продовольствие!

Тот нехотя поднялся из-за стола и поплелся во двор. Через недолгое время ввалился в избу с охапкой дров и грохнул их у печки. От грохота Ульяна очнулась, обвела затуманенными глазами горницу, словно не понимала, где находится. Поправила взлохматившуюся прическу, произнесла:

– Вот что, Гавря. Сегодня же иди на пристань, устраивайся на работу. Там весной всегда грузчиков не хватает.

– Ты это, Ульяна, я же того...

– Не того! Я тоже в кашеварки наймусь.

Баба Паня изумленными глазами поглядела на дочь. Вроде бы даже всхлипнуть собралась. Но пересилила себя, проговорила со строгостью в голосе:

– Только не передумайте, Улька!

Прихватив пропитание, родители Шурика удалились, не попрощавшись с сыном. Баба Паня подошла к Алексею и поклонилась ему.

Спустя примерно час во двор въехал уазик. Алексей вышел на крыльцо и увидел, что Капитолина стоит у открытых дверей сарая, а Игорь и Андрюха выгружают из машины мешки. Заметив Алексея, Капка подбежала к нему и затараторила:

– Купили муку, пшеницу и продукты, чтобы тут питаться. Еще Игорь купил огромный кусок брезента, грузовик накрыть можно. Сказал, что пригодится в тайге. За пшеном, рисом, сахаром, солью и прочим поедем следующими рейсами.

– А деды куда подевались?

– На Чулым пошли.

– Договаривай, Капитолина!

– Ну, бутылку с собой взяли.

– Без закуски?

– Банку консервов и хлеб прихватили. Сказали, к обеду вернутся. Вы их сильно не ругайте, я виновата: деньги им дала. Уж очень складно они торговались.

– Ладно, проехали.

Капка с облегчением перевела дух, вприпрыжку пустилась к уазу, вытянула с переднего сидения три набитых провизией пакета и понесла в дом. На крыльце она столкнулась с Шуриком, кинувшемся помогать Игорю с Андрюхой. Минуту спустя из дверей появилась баба Паня и укоризненно проговорила:

– Что же это такое, Лексей Николаич? Зачем на продукты тратились? Больше этого не делайте, в доме есть еда, – и вернулась к кухонным делам.

Диоген с Наумычем явились, как и обещали, к обеду. Оба были слегка навеселе. Диоген старался держаться подальше от Алексея. Наумыч же храбро приблизился вплотную и заговорщицки произнес:

– Мы с Диогеном плоскодонку присмотрели со стареньким мотором. Ее просмолить, и будет, как новая. Хозяйка почти задарма ее отдает, за полторы тысячи всего. Мужик у нее прошлым годом помер, ей лодка ни к чему. Нам же сгодится для рыбалки.

Шурик, слышавший монолог Наумыча, не утерпел, вмешался:

– У нее и сети остались. Ее мужик сам их плел, не признавал китайских.

– Сразу и сетёшками разживемся, – подхватил, тряся бородашкой, Наумыч. – Удильные снасти прикупим.

– Ты мне зубы не заговаривай, старый! Сам же обещал, что с выпивкой завяжете? – строго произнес Алексей.

– Так мы – самую малость. Как поплывем, все равно сухой закон будет.

– Еще раз замечу, отправлю домой.

– Не, Николаич! Прощальный раз было. Так что, насчет моторки?

– Завтра Капитолина выдаст вам деньги, покупайте и смолите.

После обеда Диоген и Наумыч выбрались на улицу и устроились на завалинке, обсуждая, какие рыболовные снасти следует приобрести. Их приятную беседу нарушили две тетки. Одна из них с узелком в руках опасно приблизилась к дедам и проговорила:

– Нам бы знахаря повидать.

Диоген встрепенулся, глянул на просительницу строгим взором:

– Зачем тебе знахарь, раба Божья?

– Ноги у меня отказывают, по ночам пальцы ломает, спасу нет.

Диоген поднялся с завалинки, потеревбил реденькую щетину и провозгласил:

– Имеющий уши, да услышит! Имеющий глаза, да увидит! Верно говорю!

– Помоги, батюшка! – ахнула тетка.

– Что у тебя в узелке?

– Мёд, батюшка. Тебе принесла. Возьми, не побрезгуй.

Диоген принял узелок. Запрокинул голову, нечленораздельно зашептал. Поманил тетку, она приблизилась, чуть ли не вплотную.

– Запоминай, раба Божия! Мажь на ночь медом больные места, клади сверху капустный лист и обмотай чистой тряпицей. А по утрам ополаскивай ноги холодной водой. Всё! Ступай с Богом!..

– Ты чего им наплел? – спросил его Наумыч, когда тётки ушли.

– Совет дельный дал. Мой батя так свои суставы лечил.

– А про уши и глаза зачем загнул?

– Мудрую мысль внес в их темное сознание.

– Сам придумал?

– Сам, – горделиво ответил Диоген. – Пускай меня знахарем считают, меньше к Николаичу приставать станут. Да и мёд нам пригодится.

3

С утра следующего дня Капитолина выделила Наумычу две тысячи рублей, и он, прихватив Диогена с Андрюхой, отправился покупать лодку и сети. Алексей вместе с Капитолиной и Игорем принялись составлять список самого необходимого, без чего нельзя обойтись в предстоящем плавании и проживании в безлюдных местах. Самой сметливой оказалась Капка: она упомянула всё, начиная от спичек, мыла и круп и кончая дрожжами, ведрами и иголками с нитками. Затовариваться они поехали вдвоем с Игорем.

К этому времени объявились и Наумыч с Андрюхой. Андрюха тащил деревянные вёсла и старый пухлый рюкзак.

– Купили, – доложил Алексею трезвый Наумыч, – и лодку, и смолу, и керосин, и сети, – показал на мешок, который Андрюха заносил в сарай. – Хозяйка отдала цепь, амбарный замок, чтобы лодку на берегу закрывать, и выделила два ведерка.

– Где Диогена оставил? – спросил Алексей.

– На берегу. Он смолу плавит. После обеда лодку смолить станем.

– Он – что, без обеда останется?

– Есть у него еда. Бабёнка одна принесла.

– С какой стати?

– За зельем пришла, чтобы хахалю приворожить. Диогена тут за знахаря приняли, он и рад. Вешает ей лапшу на уши...

После полудня Наумыч и Андрюха, прихватив сумку с инструментами, поплелись на Чулым. Бабенки на берегу уже не было. Зато поблизости собралась толпа ребятишек, с любопытством взиравших на Диогена. Тот уже закрепил цепью лодку за металлическую трубу с ушком, забетонированную на откосе. Под взглядами мальчишек макал мочальную кисть в банку с горячей смолой и мазал днище лодки. Рядом на рогоже лежал старенький мотор со звучным названием «Стрела». Андрюха принялся его разбирать. Наумыч занялся костерком, над которым висело ведро со смолой.

Пацанам надоело молчаливое созерцание. Самый шустрый из них храбро окликнул Диогена:

– Эй, дед! Это ты вчера моей тетке ноги лечил?

– Я, – откликнулся Диоген.

– Ты – гипнозист?

– Гипнотизер, – без зазрения совести подтвердил тот и отложил кисть. – Как у тетки ноги?

– Ноги-то вроде перестали болеть, только засопливилась от холодной воды.

– Эта хворь пустячная. Ее в бане можно выпарить.

Наумыч неодобрительно глянул на бросившего важное занятие приятеля. Поднялся на ноги и, напустив на себя свирепый вид, шуганул ребятню:

– Брысь отсюда! Не то он, – показал на Диогена, – превратит ваши уши в лопухи!

Пацаны недоверчиво хмыкнули, но, на всякий случай, отошли подальше. Пошушукались и поднялись к лодочным будкам, где местные рыбаки хранили моторы и инвентарь.

Под вечер, когда будущие коммунары собрались в избе бабы Пани, у ворот протарахтел и смолк мотоцикл. К квартирантам пожаловал бригадир лесорубов Афоня. Его пепельные седоватые волосы были аккуратно расчесаны, на красноносом лице прописалась несвойственная ему почтительность. Он отозвал Алексея на крыльцо и спросил с заметной робостью:

– Это вы вернули память сестре Памфила?

– У вас тоже кто-нибудь хворает? – вопросом на вопрос ответил Алексей.

– Нет. Бог миловал. Просто слух о вас по Смолокуровке прошел.

– Вы, наверно, к нам по делу пожаловали?

– Точно. Насчет уазика. Завтра с утраца отволоку катер на берег. Сегодня хотел, но побоялся, что шпана его раскулачит за ночь. Так что вам охранять судно придется. Подъезжайте к десяти.

– Подъедем.

– Между прочим, вчера в селе васюганские староверы объявились. Вы в тот раз спрашивали про них.

– Как же они добрались сюда с Васюгана?

– На лошадях. Им тайга, что дом родной.

– А обратно как? Реки же со дня на день вскроются.

– Обрато до Каргосока – на барже вместе с лошадями. А там, кто их знает!..

Вернувшись в горницу, Алексей сообщил будущим коммунарам о причине визита Афони.

– Мы согласны охранять, – тут же откликнулся Наумыч, – переселимся с Диогеном на катер. Крыша, как рассказал Игорь, там есть. В каюте два дивана. Возьмем спальные мешки и устроимся, как в номере.

После ужина Игорь и Капка вышли во двор. Алексей вскоре последовал за ними. Они стояли у крыльца, обнявшись. Игорь грустно проговорил:

– Жалко машину, Командор. Привык я к ней.

– Другую купим, когда вернемся, – успокоил его Алексей.

– А вернемся? – с надеждой спросила Капка.

– Нам этого не избежать.

Игорь вопрошающе глянул на него. Ничего конкретного Алексей не мог ему объяснить. Он не видел четкой картины их будущего отшельничества, воображение рисовало лишь какие-то смутные обрывки, множество добрых и недобрых людей и бесконечный размытый путь. И все же ответил:

– Не знаю, когда и по какой причине это произойдет. Но возвращение предвижу.

– Как же мы багаж на катер перетащим? – задумчиво произнесла Капка.

– Памфил обещал приехать, – ответил Алексей. – Поможет перевезти груз.

Памфил прикатил на следующий день под вечер, и не один, а с женой Серафимой. Квартирантов бабы Пани дома не было, возились с катером на берегу Чульма. Памфил привез целую кучу нужных путешественникам вещей: топор, колун, кувалду, краску в банках, канистру растворителя, ящик гвоздей, три мешка пакли и даже четыре раскладных стульчика.

Когда вернувшийся с берега Алексей захотел расплатиться с ним, тот возмущенно зама- хал руками:

– Это подарок от меня, раз ты деньги за лечение отказался взять.

Алексей от подарка отказываться не стал.

– Сеструха сказала, что ты и Ульяну с Гаврею на ум наставил. Шесть годов тунеядство- вали, и – надо же! – на работу устроились. Как с катером?

– Завтра Игорь с Андрюхой начнут перебирать двигатель. Ну, а мы займемся наружным ремонтом.

– Я на три дня приехал, помогу вам. Перед отъездом перекину на катер ваш груз. Пошли в избу, Серафима с Паней пирогов напекли.

Три дня пролетели, как один. С рассветом Памфил заводил свой «Урал», усаживал в кабину Капку. Мужики размещались в кузове на откидных гремучих скамейках. И отпра- влялись к пристани, возле которой дожидался полой воды установленный на бревенчатые катки катер.

К длительному плаванью его готовили в авральном режиме. Памфил менял электропро- водку. Игорь перебирал мотор, Андрюха был у него в подсобниках. Капитолина драила трюм и палубу. Наумыч готовил палубные заплаты. Диоген на сухом взгорке мастерил решетки для просмоленной плоскодонки и красил ее в небесно-голубой цвет. Алексей был на подхвате по мере надобности. А если такой надобности не было, изучал купленный в Екатеринбурге атлас Томской области.

Бригадир лесорубов Афоня обронил в недолгом разговоре, что скит староверов нахо- дится где-то на реке Васюган. Староверы селятся в безлюдье, этим и привлекала скитская оби- тель. Чтобы добраться до тех мест, надо было по Чульму выйти в Обь, затем вниз по течению до устья Васюгана, и по нему вверх, с надеждой обнаружить потомков раскольников.

Карты в атласе были довольно подробными, с названиями притоков и береговых селений. Большинство названий оказались русскими, но встречались и местные, напоминающие о сибирских аборигенах: Наунак, Каргасок. Ниже Каргосока и впадал в Обь Васюган. Судя по всему, сюрпризы в виде речных порогов путников не подстерегали, потому что у большинства населенных пунктов красовались якорьки, означавшие наличие пассажирских пристаней.

Работалось в охотку, и дело двигалось. Даже у Диогена, которому время от времени приходилось отвлекаться, когда подле него появлялись просительницы с узелками. Он откладывал кисть, с важным видом выслушивал их. Затем воздевал руки к небу, что-то бормотал и заканчивал одинаково: «Верно говорю!» Принимал узелки с провизией и мановением руки отпустил просительниц.

Наумыч наблюдал за представлением со скептической ухмылкой и все же один раз не выдержал:

– Дурит бабёнок Диоген, а они, дурехи, верят.

– В том и суть, что верят, – сказал ему Алексей. – Человек, поверивший в исцеление, выздоравливает быстрее. Уверовавший в благоприятный исход жизненных неурядиц, станет делать всё, чтобы так и произошло. И всего скорее, добьется своего.

– Все равно дурилка, – не согласился с ним Наумыч...

Уезжать Памфил наметил на третьи сутки, после полудня. В этот день, едва взошло солнце, загрузили в «Урал» весь скарб и перевезли на катер. Трюм еще не был готов для приёма груза, потому провиант разместили в салоне, а все остальное – на палубе под брезентом. Оставив дедов на судне, поехали обедать домой, чтобы по-человечески распрощаться с Памфилом и его женой Серафимой.

Прощальный обед обеспечил Шурик. Смotalся на ночь в затонную заводь, где лед еще был крепок, и привез пару щучек и почти полное ведро налимчиков. Серафима и баба Паня наварили котел ухи, ею и пообедали.

– Может, еще свидимся, – сказал, прощаясь, Памфил, – заезжайте, если снова в этих краях окажетесь.

Алексей предвидел, что свидеться им не придется, да и в этих краях они больше не окажутся. Ничего не ответил Памфилу, лишь кивнул.

Основные работы на катере были закончены. Оставалось установить собранный и смазанный движок и проверить рулевые тяги, с чем без особого труда справятся Игорь с Андрюхой. А навести на судно косметику можно и после вскрытия Чульма в ожидании конца ледохода. Голубенькая плоскодонка с новенькими сиденьями тоже дожидалась своего часа, покоясь на берегу чуть выше катера.

Однако река не спешила сбрасывать ледяной панцирь. Успели высушить и проморить трюм, застелить его брезентом и загрузить продовольствием, высвободив салон. Выкрасили коричневой водостойкой краской палубу, и дощатые заплатки перестали мозолить глаза. Натянули по бортам леера, чтобы ненароком не свалиться в воду. Установили на палубе четырехместную палатку и закрепили ее мелкими самодельными скобами. А лед на реке все держался.

Капитолина готовила теперь еду на палубе, пользуясь примусом и керогазом. Мужики, как могли, помогали ей. От этого дела освободили только Диогена, напрочь лишённого поварского дара. Лишившийся общения с прекрасным полом, он стал задумчив, как изваянный Роденом «Мыслитель». И что совсем уж было не в его духе, даже побрился за компанию с Андрюхой, отчего черты лица стали казаться еще мельче.

В один из вечеров, когда Алексей настраивал любительские рыбацкие снасти, Диоген с заговорщицким видом обратился к Алексею:

– Нехорошо у нас получается. Корабль есть, а имени у него нет. Я придумал название: «Диоген». Как?

– Слишком громко для нашей посуды. Древний философ обиделся бы. Давай назовем «Аэола»?

– А что оно такое?

– Древнее название нашей планеты.

– Если так, то годится. Верно говорю!

Остальные члены команды не возражали. Диоген сам вызвался изобразить имя на борту катера. Вырезал из кусков картона трафарет, вооружился кистью и вывел белой краской: *Аэола*. Получилось у него очень даже неплохо.

Лед на реке начал гулко лопаться под утро 22 апреля, в позабытый народом день рождения Ленина. Лыдины погнало течением, они сталкивались, крошились, напоздали друг на друга и скапливались в излучинах, образуя заторы. Воде некуда было деваться, и она двинулась вширь, заполнила береговые низины и поползла на кручи. Вытолкнула из-под катера бревенчатые катки и приняла его в свое беспокойное лоно.

Будущие отшельники распрощались с гостеприимной бабой Паней и Шуриком и перебрались на катер. Игорь и Андрюха отцепили от забетонированной трубы удерживающую плоскодонку цепь и причалили к судну. Общими усилиями подняли лодку на палубу, закрепили ее, и тем отрезали себе путь к отступлению.

Стрежневая струя тащила с верховьев всякий хлам, бревна, кусты, огородные заплоты. Взбаламученная вода была темной, как чефир. Даже вблизи берега она шевелилась, крутила воронки, будто в глубине ворочалось живое чудовище. Успокоилась, когда достигла пика, и паводок пошел на убыль.

1 мая, в день развенчанной смуты солидарности трудящихся, по Чулыму, оглашая окрестности басовитым гудком, прошла вниз первая самоходная баржа с гравием. На берег высыпал подгулявший смолокуровский народ и радостно загорланил, приветствуя открытие судоходного сезона.

Но река еще не успокоилась, волокла с верховьев всё, что успела проглотить. Особенно опасны были кочующие топляки, не заметные снаружи. Потому, задавив в себе нетерпение, команда ждала, когда Чулым очистится полностью. Этот день наступил 12 мая. Ранним утром маломерное судно «Аэола» покинуло порт приписки Смолокуровку и отправилось в неизвестные места.

Исчезли для Алексея, как никчемный сон, Зураб, Юсуп, Исмагилов и всё, что было с ними связано.

Разборка

1

Искандер Исмагилов с уцелевшими братками отсиживался в Капчагае, районном городишке, разбросанном по берегам водохранилища. Здесь он загодя приобрел у местных властей заброшенный детский сад, превратил его в комфортабельный жилой дом. Ему было известно, что полицейская контора объявила его в розыск, однако он болт забил на это дело.

В Капчагае Исмагилов чувствовал себя в безопасности: он вырос в здешнем бараке, получил здесь первый срок вместе с приятелем, которого судья пожалел и, как несовершеннолетнего, оставил на воле. А был он моложе Исмагилова всего-то на полгода. Теперь приятель носит погоны с двумя просветами и двумя звездочками, рулит всей местной полицией и регулярно получает от авторитетного дружка зарплату, превышающую официальную.

Об этом доме никто в Алма-Ате не знал, даже Вика, которую Доктор выкрал и, наверняка, снова хочет засунуть в бордель. Братки прочесали всех проституток, но про Вику пока никому ничего не было известно.

Обиду и злость на бывшего партнера Исмагилов глушил первое время водкой. Потом опомнился, выгнал в сауне алкогольную муть и стал строить планы отмщения. Перво-наперво – надо вернуть Вику, а уж затем уделать Доктора вместе с бородатым москвичом. Если подфартит, мочкануть и генерала-колобка, ввязавшегося в разборку на стороне Доктора. Мочкануть и слинять с общаком и Викой в другую республику, где его не знают.

Исмагилову было наплевать на то, что в крутой разборке он может потерять не только оставшихся корешей, но и свою жизнь. Он давно свыкся с мыслью, что жизнь – копейка, однако берег ее, как мог. Теперь же всё кинул на кон: пан или пропал!

Раненого в ногу Штангиста из СИЗО выпустили и определили в городскую больницу. Пацану ясно, что это щучья дурилка, и на приманку Исмагилов не купился: запретил кентам контактировать с ним, пускай пока залечивает ногу.

Но из поля зрения Штангиста не выпускали. Засекли у больнички, где он лежал, генеральских стремачей. Каждое утро они, как на службу, приезжали на частном «москвиче» с шофером-казахом и шастали по хирургическому отделению, как по аэропорту.

Исмагилову доложил о них бригадир, с узкой, похожей на тупой клин, физиономией. И погоняло у него было подстать: Колун.

– Одного, любого, доставь живьём, – велел ему Исмагилов.

– Так ведь менты же! – с сомнением отозвался бригадир.

По неписанному закону, мочить их можно было, только когда некуда деваться.

– Два пальца об асфальт! Мочи! – подтвердил Исмагилов.

Талгат, пополнивший агентуру БД-7 под псевдонимом «Таксист», уже и не рад был, что подписался работать на сослуживца. Деньги, конечно, неплохие, но у него есть семья. Талгат знал, чем разборки чреватые. Можно ни за что ни про что загреметь на нары и даже получить дырку с контрольным выстрелом в голову.

Уже несколько дней он возил на своем «москвиче» из аэропорта в больницу двух полицейских. На водилу они не обращали никакого внимания. Болтали, в основном о бабах. Без опаски костерили при нем генерала, которого называли Колобком, и полковника по фамилии Булыга, непосредственного своего начальника.

В больнице они пасли мужика, которого называли Штангистом. Заходили прямо в камуфляже в корпус. Когда Штангист выползал на костылях подышать свежим воздухом, они тоже

спускались во двор. Один раз они связались по сотовому телефону с полковником Бульгой и доложили, что клиент звонил Исмагилову, но не дозвонился.

В восемь вечера появлялась смена: вазовская семерка, тоже с частным номером и с таким же экипажем. Талгат отвозил пассажиров в аэропорт и, поставив в известность Ботаника, возвращался домой. Не работа, а болото! Но затаившийся пахан, отказавшийся идти на мировую, не давал чувствовать себя спокойно...

Подозрительный джип обнаружил Талгат, а не менты. Но своим открытием делиться с ними не стал. Зачем усложнять себе жизнь? У них свои дела, у него свои, завязанные на Георгия. В начавшейся разборке у него интереса нет, и он надеялся отсидеться на нейтральной полосе.

Но братки были другого мнения. Джип маячил у больницы до конца смены и последовал за «москвичом» по дороге в аэропорт. Дело запахло керосином, и Талгат на случай нападения изготовился вынырнуть из машины. Дождавшись пустынного участка, джип прибавил скорость и стал настигать «москвича». Тут только менты прозрели.

– Гони! – прокричал старший.

Куда гнать на слабосильной таратайке! Для джипа это было все равно, что соревноваться с велосипедом. Он подрезал тихоходную машину, и Талгат, чтобы не врезаться ему в бок, автоматически надавил на тормоз. «Москвича» развернуло, однако он успел заметить, что тонированные окна джипа поползли вниз, и из салона высунулись два ствола. Не раздумывая, Талгат рывком открыл свою дверцу и выметнулся на асфальт. Когда раздались выстрелы, он уже скорчился за скатом. Укрытие было ненадежным, но грудь и голову защищало.

В считанные секунды рассыпались стекла, металл превратился в решето. В ответ на длинные автоматные очереди, из «москвича» раздался лишь одинокий пистолетный выстрел. И всё стихло.

Из джипа показались трое с автоматами. Один в кожанке, с непокрытой головой, двое в фуражках и в оранжевых жилетах, как у дорожных полицейских. Все направились к «москвичу». Мелкорослый жилетник занырнул в салон, покопошился там. Выныривая, сделал два контрольных выстрела. Его напарник откручивал в это время с «москвича» номера. Тот, что был в кожанке, остановился над Талгатом:

– Чего разлегся, вставай!

Талгат поднялся. Искоса глянул на кожаного налетчика. У него была физиономия клином и узкие, как лезвие, глаза. На лобной лысине – красное пятно в виде запятой, как у Горбачева. «Бригадир, наверно», – подумал Талгат. Он запросто мог бы уложить его, для этого в рукаве находился морпеховский нож. Одно движение, и клинок вонзился бы бригадиру в переносицу. Но что нож против автоматов? В тот же миг Талгат, нашпигованный свинцом, лег бы рядом со своим израненным конем.

– Оружие есть? – спросил клиномордый, держа автомат на изготовку.

– Нож, – ответил Талгат.

– Кидай сюда.

Он исполнил приказание, и нож шлепнулся у ног бригадира. Водители проезжавших по шоссе машин, увидев искореженный автомобиль и подозрительных людей в форме дорожной полиции, прибавляли хода. Кому охота ввязываться в чужую драку.

– Ошмонай! – велел клиномордый отстрелявшемуся в салоне напарнику.

Умелые руки обшарили Талгата. Вытянули из внутреннего кармана права и техталон.

– Пустой.

Документы исчезли в кожанке клиномордого. Он ткнул Талгата стволом:

– Двигай в нашу машину.

– А моя тачка?

– Твой дуршлаг – металлом. Двигай!

К Капчагаю джип выехал полевыми дорогами, пролежавшими по бахчевым полям. Патрули и посты ГАИ держались асфальта, по которому шли многотонные фуры с товаром и пропуском в виде зеленых купюр.

Перед Исмагиловым лежали на столе служебные удостоверения мертвяков и их макаровские пистолеты. В руках он вертел водительские права стоявшего перед ним коренастого казаха. Не похоже, что он из конторы, обычный работяга, но прошупать все равно стоит.

– Ты кто?

– Шофер, – ответил Талгат.

Он уже сообразил, что за столом сидит сам Искандер. Подумал, что тренированному человеку ничего не стоит его достать, тот не успел бы даже дотянуться до пистолета.

– Вижу, что не банкир. Звание, какое?

– Никакое.

– Не брешь, сучий потрох, пока я с тобой по-хорошему! Даже развязать тебя вон велел!

А мог бы два пальца об асфальт – и нет ваших!

– Я не собираюсь брехать.

– На ментов пашешь?

– Меня хозяин к ним прикрепил на время.

– Кто твой хозяин?

– Доктор. Недавно к нему устроился.

– А до того где работал?

– Таксовал без лицензии.

– Почему с красноперыми связался?

Талгат не стал ничего скрывать. Объяснил, что Доктор определил его возить Ботаника.

А тот направил в распоряжение аэропортовых придурков.

– Почему придурков?

– У них одни бабы на уме.

– Знал, что они менты?

– Догадывался. Но в форме их не видел, только в камуфляже.

– Кого в больнице пасли?

– Какого-то штангиста на костылях.

– Что же тебе казенную машину не дали?

– Ездил раньше на казенной. А к этим Ботаник велел ехать на своей. Для маскировки, сказал. Приплачивать обещал. Теперь ни приплаты, ни машины.

– Ботаник в военном городке окопался?

– Там.

– Доктора часто видел?

– Нет. Сначала он приезжал к Ботанику часто. Последнее время – перестал.

– А Ботаник к нему?

– Один раз отвозил его к Доктору. У него как раз в гостях генерал был, круглый, как мячик. Потом генерал уехал, а Ботаник остался.

– Долго он там был?

– Полдня.

– В дом тебя пустили?

– На кухню. Пожрать дали.

– Молодую кореянку там видел? Или, может, слышал про нее? Викой зовут.

– Там не видел и не слышал.

– А где видел и слышал?

– Какая-то Вика у Ботаника живет.

Исмагилов вскинулся:

- Два пальца об асфальт! Часто ее видишь?
- Нет. Только мельком. Ее из дома не выпускают.
- Запирают что ли?
- Не знаю.
- Значит, заложница. Суки! Голодом морят? Бьют?
- Синяков не замечал. И кормят вроде нормально.
- Ботаник спит с ней?
- Нет, он – педик. Ему Доктор рыжего парнишку с серьгой в ухе привез.
- Дом большой?
- Большой.
- Что в нем?
- В глухом крыле – лаборатория. Остальные комнаты жилые.
- Сколько этажей?
- Одноэтажный.
- Казармы далеко?
- Порядочно.
- Не тяни кота за хвост! Давай подробнее!
- До казармы метров триста. Дом стоит у арыка, окружен забором. На воротах надпись

«Склад боеприпасов».

- Окна с решетками?
- С решетками.
- Сигнализация есть?
- Не знаю.
- Видеокамеры?
- На входе и у ворот.
- Какая охрана?
- Пять человек. Двое у ворот, трое в доме.
- Кто еще находится в доме?
- Трое лаборантов. Ботаник с парнишкой. И Вика.
- Жена, дети у тебя есть?
- Были. Разведенный я, – соврал на всякий случай Талгат.
- Где живешь?
- На улице Розыбакиева.
- Адрес?

Светить адрес, конечно, было нежелательно, потому что в его комнате укрывался Георгий. Однако надо было решаться. Георгий мог отбиться и сделать ноги. А жена с дочкой окажутся совсем беззащитными. И Талгат назвал адрес.

– Колун! – позвал хозяин.

Из соседней комнаты появился клиномордый бригадир с пятном на лысине. Кожанки на этот раз на нем не было. В доме было тепло, и он обрядился в разрисованную футболку, не скрывававшую расстегнутую кобуру с торчавшей рукоятью. На шее – толстая золотая цепочка.

– Позвони, Колун, Гульнаре. У нее дома есть компьютер и вся паспортная база. Пускай срочно проверит прописку этого терпилы. – Пахан, видать, не жаловался на свою память: запомнил адрес Талгата и продиктовал, не переспрашивая. – Заодно принеси бумагу и карандаш!

Бригадир испарился. Исмагилов, глядя испытующе на Талгата, спросил:

- Жить хочешь?
- Хочу.

– А по морде не заметно. Она у тебя, как у идола. Боишься копыта откинуть?

– Не так, чтобы очень.

– Вот и я – не так, чтобы очень. Но твоему Доктору – два пальца об асфальт! – кишки успею выпустить.

– Не мой он.

– Вот и ладно, что не твой.

Появившийся бригадир положил перед Исмагиловым стопку бумаги с карандашами.

Доложил:

– Позвонил. Обещала сделать.

– Лады. Подвинь стул и садись к столу. И ты тоже, – велел пленнику. – Рисуй план дома, где держат корейнку.

После того, как рисунок был готов, хозяин внимательно оглядел его, словно запоминал.

– Которое окно корейнки?

Талгат показал.

– Со стороны арыка?

– Да.

– А рядом чье окно? Ботаника?

– Нет, окно его комнаты на другую сторону выходит. Это лабораторное.

– Окна высоко?

– Высоко.

– Хреново, что про сигнализацию не знаешь.

Исмагилов задумался. Талгат мазнул взглядом клиномордого бригадира. Тот почесывал родимое пятно на лобной лысине.

– Лады, закрыли, – вышел из задумчивости пахан. – Теперь еще одна тема. Что ты знаешь о немце по фамилии Кауфман?

– Ничего.

– А о девчонке, которую зовут Юля?

– Не в курсе.

– Что тебе известно о грузе с флотским обмундированием из России?

– Про обмундирование слышал краем уха.

– Базарь!

– Доктору кто-то позвонил. Он ответил, что прилетит за обмундированием военный борт.

– День назвал?

– Нет.

В этот момент у клиномордого зазвонил сотовый.

– На трубе, – откликнулся тот. – Слушаю, Гульнуша. Молоток! Ты же знаешь, что за мной не заржавеет. Хоп! – повернулся к шефу: – Не соврал, – кивнул на Талгата, – прописан в коммуналке на Розыбакиева, без семьи.

Исмагилов пожевал губами. Потом, словно что-то решил для себя, проговорил:

– Значит, жалко тебе свою тачку.

– Жалко.

– У него не тачка, а дуршлаг! – встрял бригадир.

Пахан, словно не услышал его.

– Если сможешь мне, будет у тебя жигуль. Согласен?

Предложение было более чем опасным. Оказаться между двумя жерновами все равно, что лечь под каток. Но и выхода не было. Отказаться – тут и закопают.

– Что я должен сделать? – спросил Талгат.

– Вернуться к Доктору, встретиться с Викой и кое-что ей передать.

– Меня Доктор и генерал съедят! За ментов – жмуриков.

– Не мандражи! Шагай пока с Колуном на кухню, перекуси там. А я обмозгую, как тебя отмазать. Да не вздумай слинять, достану из-под земли, как морковку!

Линять Талгат не собирался. Морковкой тоже не хотел быть. Надеялся выиграть время и сориентироваться по обстановке. Жenu и дочь все же придется отправить в Россию. Георгий еще раньше обещал помочь, если земля под ногами загорится. Ему Талгат верил.

Хозяин призвал его часа через полтора. В комнате вместе с ним были Колун и еще один мужик, толстый и угрюмый. Талгата пригласили сесть за стол.

– Тебя сейчас в Алма-Ату отвезут, – сказал пахан. – Высадят, не доезжая до Медео, возле чебуречной. Из нее позвонишь по телефону.

– Не пустят ночью.

– Скажешь, от Колуна. Позвонишь Ботанику и объяснишь, где находишься. Попросишь, чтобы прислали за тобой машину. Пришлют. Ботанику скажешь, что тебя после мочилочки на дороге увезли в горы, допытывались насчет какого-то немца и груза из России. Если спросят, кто допытывался, опиши меня и Колуна. Усек?

– Не поверят.

– Поверят, не перебивай. Про немца и груз ты нам ничего не сказал, потому что ничего об этом не знал. Скажешь, что, когда я ушел от вас к зданию со шпильями, Колун заставил тебя долбить могилу. В рукаве у тебя был спрятан нож. Ты пырнул его и сиганул в кусты. Потом выбрался на дорогу, увидел чебуречную и из нее позвонил.

– Нож-то у него, – показал на Колуна Талгат.

– Твоя выкидушка в человеческой кровянке будет валяться там, откуда ты дал от нас деру. Тебе это место Колун покажет. Твоя задача, водила, встретиться с Викой.

– Ее все время в доме держат, а я на улице.

– Это твои проблемы. Передашь ей мою маляву и маленькую посылку.

– Меня же обыщут.

– Не сразу передашь. Потом, когда снова войдешь к Ботанику в доверие. Мой человек найдет тебя и передаст посылку.

– Ботаник и так не очень мне доверял, а тут...

– Разукрасить тебя придется, чтобы поверили. Ты не обижайся, на кону джек-пот: твоя жизнь с жигулем в придачу.

Не успел Талгат осмыслить джек-потовую перспективу, как сидевший рядом с ним угрюмый толстяк саданул его кулачищем по скуле. Он свалился со стулом на пол и тут же получил пинок ногой, затем второй и третий.

– Не перестарайся, Зяма, – остановил его пахан, – он для дела нужен.

Толстяк наклонился над Талгатом, поднял его, оглядел наливавшийся синевой глаз. И врезал для полноты картины по зубам. Зубной протез лопнул, и Талгат выплюнул обе половинки на пол.

– Хватит, – распорядился пахан.

Избитого Талгата снова усадили на стул. Повреждений, кроме искусственных зубов, вроде бы не было. Умеют бить, сволочи!

Вставший с места Исмагилов покровительственно похлопал его по плечу:

– Зубы – два пальца об асфальт! – новые сделаешь. И вот что еще. Постарайся узнать, когда Доктор пошлет самолет за товаром. Узнаешь – шепнешь моему человеку. Бабки получишь. Всё. Езжайте, пока не рассвело.

Полковник Булыга знал, где находится начальник, и ни за что не решился бы оторвать его от стюардессы из-за пустяка. Но два трупа и пропавший шофер – не пустяк. Позвонил генералу. Выслушал в ответ длинную тираду про козлов вперемешку с русской матерщиной и, поймав паузу, доложил о ЧП. Известие, понятно, не обрадовало начальника. Он прорычал

что-то невразумительное то ли в адрес начальника службы безопасности, то ли прилипчивой стюардессы. Наконец, ясно произнес:

– Позвони Доктору. Без подробностей. Скажи, что через час будем у него. И справься у Ботаника, где его шофер.

– Слушаюсь.

Шел уже двенадцатый час ночи, когда генеральский мерс и джип с охраной въехали в ворота Докторского особняка. Тот, предчувствуя проблемы, встречал незваных гостей на крыльце. Но вопросов сразу задавать не стал: явились в неурочное время, пусть сами и начинают.

– Двоих моих охранников застрелили, – сказал генерал, когда все трое расселись в каминном зале. – Табельное оружие исчезло. Водитель пропал, хотя Ботаник и предположил, что он дома. Как он может быть дома, если его «москвич» с двумя трупами и без номеров обнаружен на аэропортовской трассе? Что на это скажете?

– То, что ваши сыщики работают из рук вон плохо, – ответил Доктор. – Вместо того чтобы найти уголовного Иσμαилова, сами подставились под пули.

– Не забываетесь! – без особых эмоций проговорил генерал. – Трупы появились из-за того, что вам понадобилась его корейка.

– А вы не давите на меня. Мы – компаньоны, и в равной степени отвечаем за успех дела.

– Куда, по-вашему, делся водитель?

– Всего скорее, бандиты его увезли.

– Вы ему доверяете?

– Он не может быть сообщником Иσμαилова, мне его рекомендовал очень надежный человек. Его похитили в надежде выбить информацию, которой он, по своему положению, никак не может обладать.

– А кто будет отвечать за трупы? Я?

– Не мне вас учить. Отловите тройку бомжей, переоденьте их в камуфляж и шлепните. Составьте рапорт о героической схватке с бандитами. Представьте погибших охранников к наградам. Их семьи ублажите деньгами.

– За чей счет? За ваш?

– За государственный. Из казны мэра или аэрофлота. Пригласите надежного и способного телевизионщика и выступите с экрана перед обывателями. Пиар вам только на пользу.

Генерал-колобок запыхтел, взглянул на своего начальника службы безопасности. Тот согласно кивнул головой, и начальник повторил его жест.

– Если всплывет труп шофера, присоедините его к бомжам, – добавил Доктор.

– А если не всплывет?

– Это не должно волновать ни вас, ни меня. Ни в каком штатном расписании он не значится. В бухгалтерских ведомостях – тоже. Нет человека – нет проблемы. Нашему проекту ущерба от этого наезда нет. Товар отправим сразу после нового года.

– Юсуп в курсе?

– Москва в курсе. Товар встретят на Чкаловском аэродроме.

– Лишь бы не кинули.

– Там не кинут, гарантирую. Главное, обезвредить Иσμαилова.

– Понял, Булыга? – грозно спросил подчиненного Колобок.

– Так точно.

– А теперь предлагаю помянуть героических охранников, – предложил Доктор.

Возражений не последовало.

В два часа ночи Доктор проводил успокоившихся и расслабившихся визитеров. Заглянул в диспетчерскую. Дежурный добросовестно тарачился в экран. Хозяин сам сел за пульт,

пощелкал тумблером, проверяя посты охраны. Никто своими обязанностями не манкировал. Можно было спокойно ложиться спать.

Спокойно не получилось. В шесть утра его разбудил телефонный звонок. Доктор чертыхнулся и взял трубку, нисколько не сомневаясь, что на проводе Колобок. Наверняка, сообщит сейчас, что обнаружен труп шофера. Как будто нельзя было подождать до утра.

Но звонил не Колобок, а Ботаник. То, что он сообщил, насторожило Доктора. Предполагаемый труп ожил в районе Медео и вышел с Ботаником на связь. Попросил прислать за ним машину, так как сам выбраться оттуда не может.

– Машину выслали? – спросил Доктор.

– Пока нет, – ответил Ботаник. – Не нравится мне это.

– Мне тоже не нравится. Пошлите за ним военный газик, который мы взяли в аренду. И не домой его пусть везут, а к вам. Общайте и запирайте до утра.

Отключившись, Доктор погрузился в размышления. Если шофер попал в руки Исмагилова, что он мог рассказать? Про лабораторию? Про Ботаника? Это для Исмагилова не секрет. Каспийский проект? О нем даже Ботаник ничего не знает, не то, что его водитель. С этой стороны угрозы нет. Узкоглазая потаскушка?..

Вспомнил кореянку Вику, которую сам же презентовал Исмагилову, и поморщился. Не стоило, конечно, умыкать ее. Всегда умел сдерживать эмоции, а тут поддался из-за того, что взорвали салон. Собирался подложить ее генералу, но тому хватало бортпроводниц. Шофер вполне мог видеть девку у Ботаника и трепануть об этом Исмагилову. Если тот надумает ее выручать, под угрозой лаборатория, в которую уже вбуханы огромные средства. Шофера следует вытрясти до изнанки. И в первую очередь, о чем его пытали уголовники, и как он сумел от них вырваться.

Не во время позвонил Ботаник. Нарушил и без того некрепкий сон. Теперь уже не уснуть. Но и Колобку нечего дрыхнуть!

С мстительным удовольствием Доктор набрал его номер. Трубку взяли только после повторного вызова:

– Какого чёрта? – услышал он недовольный голос.

– Не чёрта, а вас, господин генерал, – ехидно произнес Доктор. – Объявился пропавший труп.

– Где?

– На Медео. Возможно, на вилле Исмагилова, которую стерегут ваши люди. Только что он позвонил оттуда.

– Кто позвонил? Исмагилов?

– Нет, труп.

– Что за шутки, Матвей Осипович?

– Не шутки, господин генерал. Труп совершенно живой. За ним послана машина.

– Везите его к Бульге. Завтра шлепнем вместе с бомжами.

– Шлепнуть всегда успеете. Сначала вытрясем из него все, что ему известно.

– Э-э...

– Спокойной ночи!..

Талгат, разукрашенный синяками и без передних зубов, весьма неуютно чувствовал себя в столь представительной компании: Доктор, Ботаник, генерал с полковником. Они сидели в креслах. Он, еще не отошедший от кулаков и болезненных пинков Зямы, стоял посреди комнаты, как арестант. Больше других доставал вопросами полковник, хотя он и так уже все рассказал.

– Куда вас повезли после того, как надели наручники?

– В горы, в сторону Медео.

- Глаза вам завязали?
- Нет. Собирались прикончить.
- Что дальше?
- Машина развернулась и встала. Меня вывели. С правой стороны были сосновые посадки. По ним и пошли в гору.
- Сколько вас было?
- Четверо со мной.
- Как они выглядели?
- Хозяин у них – высокий, сутулый, в длинном пальто.
- При этих словах Доктор и генерал-колобок переглянулись.
- Вероятно, сам Исмагилов, – сказал Доктор. – Кто был с ним?
- У одного – морда клином и глаза, как трещины. На лысине – родимое пятно, на шее – золотая цепка. Второй – толстый и молчаливый. Он меня обрабатывал.
- Как они обращались друг к другу?
- Сутулый называл мужика с пятном Колуном, толстого – Зямой.
- А они его как называли?
- Никак.
- Продолжай!
- Когда остановились, я увидел внизу дом со шпильями. Понял, что мы где-то в районе Айнабулака. Там много таких особняков.
- Место запомнил?
- Запомнил.
- Куда сутулый ушел, на дорогу?
- Он не один ушел, с Зямой. Не на дорогу, а в сторону дома со шпильями. Сказал Колуну, чтобы не ждал их.
- Чем ты долбил могилу? – спросил полковник.
- Киркой.
- Где взял ее?
- Зяма с собой принёс из машины.
- С какого расстояния ты метнул нож?
- Метров с трех, Колун сидел на камне лицом ко мне.
- Говоришь, в горло попал?
- Не проверял. Целил в горло.
- Полковник поднялся с кресла.
- Извините, господа, я отлучусь на минуту.
- О чем вас спрашивали бандиты? – спросил Доктор, когда полковник вышел.
- Как с ментами оказался, и кого они пасли у больницы. Я ответил, что не знаю, кого пасли. Водить их приказал хозяин. Спросили, кто мой хозяин, и чем занимается. Назвал Савелия Григорьевича. Сказал, что он лекарствами промышляет.
- О чем еще вас пытали? – продолжил допрос Доктор.
- Про какого-то немца и про груз то ли в Москву, то ли из Москвы.
- Что вы ответили?
- Что я мог ответить? Про немца и груз я без понятия.
- Что за немец? – с подозрением повернулся к Доктору генерал.
- Не знаю, спросите у Исмагилова, – невозмутимо ответил тот. – К нашему товару немцы отношения не имеют... Чем еще интересовались бандиты?
- Ничем вроде бы. Про какую-то Вику спрашивали. Такой знакомой у меня нет.

Без стука появился полковник, с толстой неотесанной доской и штык-ножом. Приставил доску к дверному косяку так, что стал виден начерченный углем кружок размером с детский кулачок. Протянул Талгату штык-нож.

– До мишени три метра. Две попытки тебе!

Талгат взял нож, прикинул вес. Неудобен он был для бросания в цель. Но и расстояние – всего ничего. Примерился, боль в правом боку еще давала себя знать. Метнул. Клинок вонзился, чуть ли не в центр нарисованного кружка. Полковник выдернул нож, провел пальцем по острию:

– Хреновая сталь, – сказал и уселся за стол. – Где проходил науку?

– В морской пехоте.

– Чего же сразу не сказал, что служил морпехом? – жесткие нотки из голоса полковника улетучились, и глаза подобтели.

– Вы не спрашивали.

– Я знал об этом, – произнес Доктор.

– С вашего разрешения, – обратился полковник к генералу, – мы проедем с морпехом к Айнабулаку. Хочу кое – в чем удостовериться.

Колобок разрешающе махнул рукой.

– Пошли! – скомандовал полковник.

Талгата не стреножили. Лишь жирный лейтенант с изрытым оспинами лицом уселся рядом с ним на заднее сиденье джипа. Похоже, что Талгату пока ничего не угрожало.

Проехали город из конца в конец и по улице Ленина стали подниматься наверх. Дорога до чебуречной много времени не заняла. Талгат попросил завернуть на стоянку. Из дверей чебуречной тут же выскочил худой парнишка и жестами стал приглашать гостей. Вылезший из джипа полковник отмахнулся от него. Спросил Талгата, показывая через дорогу:

– Ты это здание со шпильями видел?

– Это.

– Вилла Искандера. Веди.

Талгат хорошо запомнил тропу, хотя и была ночь. Но светила луна, когда он в сопровождении Колуна проделал путь до своей «могилы» туда и обратно. Теперь вот снова – туда и обратно. А может, только туда?..

Тропа потерялась, когда закончилась полоса леса. Но был приметный ориентир: большой серый валун, на котором красной краской было нарисовано сердце, пронзенной стрелой, и написано имя: Дарига. А рядом – торчавшая из снега кривая березка, выросшая из случайного семени, занесенного шалым ветром. Возле березки Талгат остановился.

– Пришли, – и показал на правый бок валуна.

С этой стороны земля была очищена от мелких камней, и небольшое углубление указывало на то, что здесь недавно рыли яму. И кирка валялась рядом. Полковник поднял ее и сказал рябому автоматчику:

– Пошарь вокруг. Вдруг что найдешь.

Сам нагнулся, подобрал окурочек, вынул из кармана пластмассовую коробочку и уложил в нее находку.

– Исмагилов такие курит, – произнес, усаживаясь на гладкий камень. – В какую сторону он ушел?

– Туда, – показал в сторону особняка со шпильями Талгат.

Он стоял, привалившись к валуну, и желал лишь одного: скорее бы все закончилось. Жену и дочь он, конечно же, отправит к Георгию. Но сначала она должна продать квартиру, а это займет немало времени. Значит, сидеть ему пока между жерновами. Любая оплошка – и жернова сомкнутся.

– Где служил, морпех? – прервал его мысли полковник.

– На севере.

– Я ведь тоже из морской пехоты. Командиром роты был на Балтике. Потом меня на Иссык-куль перебросили, в учебный центр, где боевых дельфинов готовили. Слышал про таких?

– Ходили у нас слухи.

– Теперь ни дельфинов, ни морской пехоты. И служба теперь... – он не договорил, лишь махнул рукой.

Талгат понял, что и у полковника жизнь – не сахар. Хотя и не живет в нужде, как работяги и пенсионеры. За деньги тянет лямку, и, наверняка, за валюту. Такая теперь настала жизнь, что молятся не на Ленина, не на Всевышнего, а на американского президента на зеленой банкноте.

– Господин полковник! – услышал он голос рябого лейтенанта. – Вот, нашел внизу! И след, будто человек полз.

С довольной улыбкой лейтенант протягивал начальнику морпеховский нож.

– Твой? – спросил Талгата полковник.

– Мой.

– Выходит, не попал ты в горло, если человек смог ползти. Но засохшая кровь на лезвии есть. В плечо, наверное, угодил.

– Кидать неудобно было.

– У меня тоже такой есть. С собой не ношу, чтобы генерал не выпросил. Любит он разные острые штучки, весь ковер дома увешал ими.

Полковник вытер о снег нож. Встал. И неожиданно, с крутого разворота, метнул его в кривую березку. Лезвие вцепилось точно в серёдку ствола.

– Есть еще порох в пороховницах, – довольно произнес полковник. – Забирай, морпех, свое оружие! Хватит здесь загорать!

На обратном пути он вдруг спросил Талгата:

– Сколько тебе платит Ботаник?

– Пятьсот баксов.

– Не густо. Если договорюсь с генералом, пойдешь ко мне за тысячу?

– Пойду.

Вернулись они опять же в военный городок. Полковник исчез в доме, оставив Талгата на территории. Примерно через полчаса вышел Ботаник, сунул ему три пятисотенных тенге и сказал:

– Езжай домой. Сутки отдыха. Послезавтра к восьми быть здесь.

Уехал Талгат на маршрутке. С вокзального автомата позвонил Георгию, обитавшему в его комнате на улице Розыбакиева. Квартирант оказался дома. Оказалось, что его никто пока не потревожил. Талгат предупредил, что Исмагилов ищет его, и что адрес он был вынужден засветить. О подробностях не стал распространяться. Договорились о встрече завтра в десять вечера у гаража.

Встретились, как и договорились.

– Что у тебя стряслось? – спросил Георгий.

Талгат скупно обрисовал ситуацию и сказал, что хочет, как можно быстрее, отправить семью в Россию.

– Мы с Юлькой к тому времени будем уже в Москве. Встретим и поможем с жильем. Во всяком случае, на первых порах. Что нового у Ботаника и Доктора?

– Отправляют товар после нового года. Военным бортом. Число мне не известно.

Они проговорили еще минут десять. Условились о связи. И разбежались.

То ли генерал не дал согласия на службу Талгата в охране, то ли Доктор воспротивился, но он остался у Ботаника, объявившего, что платить будет не пятьсот, а семьсот долларов.

Для служебных поездок Талгату выделили газик с военными номерами. Его права остались у пахана, он сказал об этом Ботанику, но тот отмахнулся. А на другой день вручил пропуск, на котором было написано: осмотру ГАИ и ВАИ не подлежит.

Пост у больницы сняли, и он больше торчал у лаборатории, чем крутил баранку. На ночь оставлял машину в военном городке, до алма-атинского автовокзала добирался на маршрутке. А оттуда – сначала на улицу Розыбакиева на троллейбусе. Побыв несколько минут в своей комнатухе, он, с оглядкой и предосторожностями, отправлялся на такси домой, к жене и дочери.

Выезжая с поручениями Ботаника за пределы городка, Талгат каждый раз ждал, что появится посланец пахана с посылкой для кореянки Вики. Но никто пока не появлялся. Девушку же он пару раз видел, когда его звали на обед.

Декабрьская погода в Алма-Ате стояла обычная: густо падал снег, но температура была чуть ниже нуля. Талгат очищал совковой лопатой снег с подъездной дороги и тихо радовался, что было чем заняться. Синяки на лице прошли, тело перестало ныть от побоев. За двести баксов ему оперативно сделали зубной протез. В общем, жизнь потекла, словно бы ничего не произошло.

До обеда оставался не меньше получаса, когда на крыльце появился пухлощекий рыжий педик, откликнувшийся на имя Ник. Его длинные завитые волосы, серьга с голубым камешком в ухе и особенно род занятий вызывали у Талгата омерзение, но он не выказывал своего отношения. Педик жестом подозвал его.

– Пошли обедать. Потом в город с тобой поедем, в центральный универмаг.

В город, так в город. Всё лучше, чем бездельничать.

– Шеф в курсе? – спросил он.

– В курсе.

На этот раз Талгат оказался за столом с ним и с Викой. Похоже, что они ладили друг с другом. Она называла его Никой, а он ее – Витей. Перебрасывались между собой ничего не значащими фразами, иногда даже на английском. Любовник Ботаника постоянно скалился, хотя ничего смешного она не говорила. На Талгата внимания не обращали. Кто он для них? Тупой водила! Но сам Талгат время от времени взглядывал на кореянку, и она это заметила:

– Что, нравлюсь?

– Нет, – ответил он.

В город они с Ником выехали сразу после обеда. Едва свернули от КПП, как Талгат заметил в зеркале заднего вида устремившийся за ними «пазик» с частным номером. Интуиция подсказала ему, что, наконец, объявился человек Исмагилова. Въехали в город и от железнодорожного вокзала свернули на улицу Абылай-хана. Когда-то она называлась Коммунистической. Теперь из подзабытой истории извлекли ханов и батыров.

Возле универмага Талгат зарулил на стоянку. Поблизости пристроился и «пазик».

– Жди меня! – хлопнул машинной дверкой Ник и исчез в утробе универмага.

Тут и нарисовался посыльный Исмагилова, невзрачный мужичок со скошенным подбородком.

– Я от Колуна, – сказал.

– Что дальше?

– Вот, – достал из-за пазухи конверт и запакованный в целлофан кекс с изюмом, – Велели тебе передать. Для кого – сам знаешь.

Талгат принял передачу. Конверт сунул в карман, кекс открыто бросил на заднее сиденье. Мужичок со скошенным подбородком испарился.

Педик, наверно, любил шляться по магазинам, потому что, нагруженный пакетами, вылез из универмага лишь часа через полтора. Укладывая покупки на заднее сиденье, заметил кекс.

– Надо же, с изюмом! Любимая Витькина еда! – Воскликнул, имея в виду Вику, и переложил кекс в чехольный карман на спинке сиденья. – А я терпеть не могу эту выпечку.

– Если Вика хочет, я привезу ей завтра такой, – откликнулся Талгат.

– Можешь сегодня этот передать через меня.

Хотел бы Талгат воспользоваться оказией! Но главным был конверт, который он должен был вручить ей лично. Пришлось отказаться от заманчивого предложения.

– Нет. Кекс мне соседка заказала для дочки. Скажи Вике, что завтра ей привезу.

На следующий день, когда Талгат обедал в одиночестве, Вика королевой всплыла на кухню и совсем не по-королевски сказала:

– Привет! Где мой кекс?

Он достал послание Исмагилова и без стеснения сунул ей в вырез кофточки. Она словно не заметила этого, сообразительная девица! Вслух произнес:

– Кекс? В машине. Пришли за ним Ника.

Она подмигнула левым глазом, сделала книксен и упорхнула в свою келью.

Ник появился на крыльце, едва Талгат залез в кабину газика.

– Давай кекс!..

2

Московский декабрь побил все метеорологические рекорды. Зимы как не бывало. Температура лишь раз опустилась ниже нуля, но, будто опомнившись, вернулась через двое суток в плюсовую позицию. Дожди сменялись мокрым снегом, не успевавшим прикрыть асфальт и газоны. Погода действовала на нервы правительственного чиновника Заурбекова и отнюдь не улучшала и без того неважное настроение.

Последние три месяца он жил во взведенном состоянии. Впрочем, жизнь в постоянном напряжении была для него нормой и не тяготила его. Даже наоборот, когда напряжение спадало, он чувствовал, что ему словно бы не хватает воздуха. Но передозировка с напрягом, появившаяся после письма Утопленника в генеральную прокуратуру, повлияла на организм, как кислородное голодание, ведущее к полной беспомощности.

Купленные надежные источники из силовых структур заверили его, что ни «Тибета», ни других секретных подразделений не существует. Было одно при Андропове, но, то ли Горбачев, то ли Ельцин приказали расформировать его. Остался только полигон, тоже секретный, но всем известный. Командует там какой-то авиационный полковник из ГРУ, которого курсанты называют Пилотом. Утопленник не был замечен на полигоне, и подчиненным авиационного полковника никак быть не мог.

И все же за Утопленником кто-то стоял. То, что он совершал, одиночке не под силу. Не говоря уж о побеге, который удался ему с завидной легкостью. Значит, должна существовать хорошо законспирированная, возможно, и неофициальная организация, организовавшая ему и побег, и транспорт, и явочную квартиру.

Информация насчет колдуна, всего скорее, пустышка. Что делать профессионалу в глухой деревне? Возможно, он в Москве или в Подмосковье, или вовсе поблизости. Затаился и выжидает благоприятного момента, чтобы нанести удар. Через прокурора не получилось, значит, задумал что-то другое. И все из-за дурости Юсупа. Надо было раньше зачистить этого ожиревшего от тортов борова. Растряс старый экз энергию. Совсем перестал соображать своими курячьими мозгами. Не понял, что пора воровских малин миновала. Да, миновала. Настало время легального бизнеса и интеллектуалов, способных просчитывать ходы конкурентов и наносить с улыбкой скрытые смертельные уколы. Чем больше общество кичится своей демократией, тем больше в нем ханжества и лицемерия. Умный человек сумеет этим воспользоваться.

Чиновник Заурбеков, имевший в определенных кругах кличку Зураб, очень рассчитывал, что его дальний родственник по матери Марат Хуциев, которого он после гибели зарвавшегося Дудаева выдернул с гор и отправил в Катар набираться разума, будет надежным помощником. Учился на юридическом, знает худо-бедно английский, перед законом чист.

Вызвал его из Катара и держал при себе, пока не прибыли в помощь юному родственнику больше десятка джигитов, проверенных горами. Они тихо убрали Юсупа. На его место Заурбеков посадил Марата. Судя по первым шагам, молодой Хуциев – тот еще волчонок и быстро превратится в матерого волка. Конечно, родственничку еще требуется шлифовка. Волк – внутри. А снаружи – респектабельный молодой предприниматель и завидный жених. Без светских манер и знания подводных течений столичная элита недоступна. В светские тусовки, где вращаются дочери политических и финансовых тузов, хода ему нет. А жену он должен подобрать себе именно там, вместе с непробиваемой никакими грозами тестевой крышей.

Заурбеков сам придумал ему псевдоним – Юрист, хотя племяннику он и не понравился. Хотел, глупец, чтобы его называли Мачо. А того не сообразил, что мачо – это любовник по-испански, и у образованного человека вызовет только ухмылку.

Юристы же – люди уважаемые и не бедные. В депутатах, в правоохране, в коммерческих структурах – везде юристы...

В ожидании племянничка Зураб сидел в своем офисе перед включенным телевизором, вслушивался в голос ведущего новостной программы и пытался осмыслить, что скрыто за словами, кто подвинул рядового армии телевизионщиков на критику. Когда на экране появился президент, он прибавил звук.

Президентские проекты Заурбекова интересовали лишь в плане, можно ли на них делать деньги. А вот президент, как личность, был ему интересен. Даже его прозвище «Стрелец» было со смыслом. Заурбекову было известно, как оно появилось. Это произошло еще при Ельцине, любившем поохотиться в заказниках. Питерский мэр, демократ и профессор, которому понадобилась президентская подпись на документах, воспользовался этим.

Поехали в заказник на кабана. Перед тем, как разойтись по номерам, на поляне столы поставили, приняли, как положено, на грудь... Мэр-профессор подсунул размякшему президенту бумаги на подпись. Пока тот, не глядя, их подписывал, на поляну вывалился из кустов кабан-секач – и на президента! А ружья у всех в чехлах. Народ обомлел: что-то будет! Вдруг выстрел и сразу второй. Секач ткнулся рылом в траву чуть ли не у президентских ног. Стрелял из охотничьего карабина невысокий молодой человек в ладном камуфляже без погон.

– Из какого ведомства? – спросил его Президент.

– Служба безопасности.

– В каком звании?

– Подполковник, – доложил тот.

Профессор тут как тут:

– В настоящее время служба его приостановлена. Он мой первый заместитель.

– Хороший стрелец! – похвалил Президент камуфляжного полковника.

С тех пор и прилепилось к подполковнику прозвище «Стрелец». В то время и предположить никто не мог, что этот самый «стрелец» сменит через несколько лет дряхлеющего и пьющего президента. Профессор, хоть и был мэром, но рулила им молодая жена. И дорулилась до того, что он залетел на квартирных махинациях и вскоре скончался. А Стрелец вприпрыжку зашагал по карьерной лестнице и сумел взобраться на самую высшую ее ступеньку.

Заурбекову молодой президент нравился. Сам того не замечая, он в чем-то ему подражал и завидовал. Иногда ставил себя на его место и с некоторым удивлением приходил к выводу, что высказался и поступил бы так же, как Стрелец. В голову сама собой вползала сладкая грёза: не питерец, а он, сын горца, принимает вверительные грамоты от иноземных послов. Смог же неграмотный грузин Джугашвили править страной три десятка лет!..

Заурбеков был реалистом. Он понимал, что ничто не вечно под луной. Не вечны и вице-премьеры. Его одноклассник и покровитель, которому он ежемесячно отстегивал от своих доходов премьерский оклад, тоже может однажды оказаться за бортом, тем более что Стрелец за последнее время пару раз тыкал его мордой об стол.

Подниматься надо самому, преодолевая ступеньку за ступенькой. Первый шаг – депутат Государственной Думы, председатель одного из экономических комитетов, вице-спикер. Для начала вполне достаточно: депутатская неприкосновенность и возможность влиять на принятие законов. Поднимать планку выше, чем можешь прыгнуть, только людей смешить...

«Юрист» явился минута в минуту, как и назначено. Заурбеков безбоязненно мог принять его в своем офисе, не то, что Юсупа, от которого за версту несло уголовником, несмотря на шикарные костюмы и дорогие перстни, скрывавшие татуировки на пальцах.

– Забудь про восточные ужимки, Марат, – сказал, видя, что тот приложил в знак почтения сложенные ладони к груди. – Здесь так не принято. Садись, предстоит серьезный разговор.

Разговор имел косвенное касательство к далеко идущим планам Заурбекова. Он пока не собирался посвящать в них родственника. Для реализации планов требовался колоссальный капитал, только ради этого он ввязался в проект с «дустом». И рассчитывал через пару-тройку лет завязать с этим делом, сбыть его с выгодой. Но самому засвечиваться с «дустом» – ни в коем случае! Все карты в руки Марату, которого он уже просветил в общих чертах. Контакты с Доктором, прием и сбыт товара, страховка при транспортировке – только через него. Ну, а погорит – значит, не судьба ему жениться на москвичке с папашиним капиталом и властным положением. Значит, придется Юристу отправиться вслед за Юсупом.

– Обновил пехоту? – спросил его Заурбеков.

– Набрал бывших силовиков.

– Что у Доктора?

– После нового года отправит товар военным бортом. Сопровождать будет транспортная полиция. Я должен встретить груз на Чкаловском аэродроме.

– Ни одного уголовника при этом быть не должно.

– На перегрузке будут только наши.

– Поменяй место хранения. Казино – ненадежно.

– Можно в ночном клубе, принадлежавшем раньше Черепу.

– На кого клуб сейчас записан?

– На меня.

– Не надо светиться, Марат. Фиктивным владельцем должен стать русак. У Юсупа был человек, который сажал на иглу молодняк.

– Есть такой: Клим.

– Пусть он и значится владельцем клуба.

– Слушаюсь.

– У тебя все?

– По договоренности с Доктором, мы должны после получения товара перечислить ему валюту. Залезть в кассу?

– Нет. Общак – НЗ. Мои финансисты проверят сумму и произведут оплату. Реализация товара – только за наличные. Не вздумай крысятничать.

– Что вы, дядюшка!

– Замри и слушай. Тебе надо слетать на денек в Ичкерия. Появиться в администрации Кадырова и предложить материальную помощь для восстановления республики. В Урус-Мартане разрушена школа. Ты, как российский бизнесмен, готов выделить средства на строительство новой школы.

– Я не понял, почему должен помогать врагу.

– Глупый ты, Марат. Тебе нужен в Москве имидж добропорядочного и щедрого гражданина. Это лучшая защита не только от злопыхателей, но и от правовых структур. Ты же юрист, должен соображать, что к чему.

– Уже сообразил, дядюшка.

– И еще, племянничек, одно важное дело, – с этими словами Заурбеков вытянул из ящика стола пачку фотографий. – Это Утопленник, которого упустил Юсуп. Размножь и раздай пехоте. При обнаружении – убрать. При любом раскладе. При любом, понял?

– Сделаем, – ответил тот и спрятал снимки во внутренний карман английского костюмного пиджака.

– В Москве, Марат, есть один человек, который имеет небольшую долю в нашем бизнесе. Он – гуру.

– Кто?

– Читать больше надо. Гуру у индуистов – то же, что в исламе имам. У нашего партнера свой круг верующих, которые слушаются его, как посланца Всевышнего. Кроме того, он знаток боевых искусств. Договорись с ним о встрече. Он берет только наличными. Прихвати с собой десять штук зеленую. При встрече попроси его позаниматься с нашими джигитами. Между прочим, гуру единственный, кто смог взять Утопленника. А твой предшественник упустил его.

– Как мне на него выйти?

– Вот, возьми, – Заурбеков протянул подопечному ламинированный кусочек картона со звездочкой в уголке, надписью «Центр йоги» и номером телефона. – Это пропуск для избранных. Звездочка – знак, что его владельцу можно доверять...

Ни правительственный чиновник, ни его подручный Юрист не знали, что на противоположной стороне улицы, куда выходило одно из окон кабинета, стоит аварийка газовщиков со скучающим шофером в кабине. В фургоне сидят двое в наушниках: инструктор из БД-7 полковник Белый и маэстро Толик с миниатюрной лазерной указкой перед экраном.

С момента своего первого появления на полигоне, и особенно после женитьбы, Маэстро заметно изменился. Он давно уже не походил на нищего студента, заматерел, раздался после тренировок в спортзале в плечах. Да и был теперь не спецом-одиночкой, а руководил целым подразделением из четырех электронщиков. Значились они сотрудниками официально зарегистрированной фирмы с названием «Интер-Телеком». А в обиходе именовались Игуанами. Они сами придумали себе такой коллективный псевдоним и проходили под номерами: Игуан первый, Игуан второй... Что за игуаны – никто не знал, пока они сами не объяснили. Оказывается, так называется семейство пронырливых и хорошо маскирующихся на местности ящериц. Наверное, электронщики имели в виду именно эти качества, придумывая себе столь необычное псевдо.

Маэстро одним движением пальцев укрощал указку. У окна кабинета господина Заурбекова кружил, управляемый лазерным лучом, похожий на жука бесшумный вертолетик и фиксировал в помещении все звуки...

3

На календаре значилось 31 декабря 2006 года. Приход нового года ознаменовался нудным и продолжительным дождем. Его канун выпал на воскресенье, законный выходной для трудового пьющего люда. Однако для сотрудников БД-7 выходной начинался лишь в 15.00 и длился до 14.00 первого дня нового года. Ежедневный тренаж Пилот отменять не собирался.

Еще трое суток назад он подписал приказ о поощрении подчиненных приличными премиальными из командирского фонда и распорядился насчет праздничного ужина, который должен был начаться в девять часов вечера.

До ужина оставалось три часа, когда, наконец, появился Белый. На базе он отсутствовал вместе с маэстро Толиком почти неделю. С его появлением новости посыпались одна за другой. Так всегда бывает: то ничего, и, кажется, что в делах наступил полный застой, а то вдруг лавина, и события начинают налезать одно на другое, только успевай поворачиваться. До отдыха ли тут!

– Юсупа больше нет, – сообщил Пилоту Белый, – Сгинул пахан без следов. На его место Зураб посадил своего молодого родственника. Зовут Марат. Фамилия – Хуциев. Кличка – Юрист. Учился в Московском университете. Закончил три курса перед первой чеченской войной и взял академический отпуск. С тех пор в университете не появлялся. По непроверенной информации подвизался в окружении Дудаева, потом след его потерялся. Криминальных зацепок на него нет.

– Перестраивается Зураб. Делает ставку на молодых и образованных.

– Он велел Марату и его джигитам искать Утопленника и, если найдут, сразу пристрелить.

– Если тот сам их не перестреляет. Куда же он мог скрыться, как думаешь?

– Страна большая. Вовочкин ему дал наши телефоны, может, еще позвонит.

– Сомневаюсь.

Оба были уверены, что Утопленник – кто-то из прежних государственных Исполнителей, с которыми они прошли когда-то сквозь огонь и воду. Недаром же в разговоре с Вовочкой тот упомянул Пилота. Значит, не захотел снова примкнуть к их братству, чтобы служить державе, потому как эта самая держава не раз их обманывала. И не им осуждать за такой выбор бывшего сослуживца.

– Кстати, Пилот. Объявился новый фигурант. Некий гуру из «Центра йоги». Спец по боевым искусствам. Этот гуру участвовал в задержании Утопленника.

– Что за «Центр»? Секта?

– Типа секты. Но зарегистрирован официально. Посетители – молодежь и экзальтированные дамочки, которые принимают кривоногого азиата, чуть ли не за бога. Безгубый велел Юристу с ним встретиться. Знак доверия – визитка со звездочкой.

– Наружку за азиатом пустил?

– Пустил.

– Что у Ромео с Джульеттой?

– Парочка мотается между Москвой и Алма-Атой. Час назад они приземлились в Домодедово. Их должен встретить сыскарь Вовочка. С минуту на минуту будут здесь.

В этот момент ожил телефон Белого.

– Легки на помине! – произнес он и поднес миниатюрный аппарат к уху. Послушал с десятков секунд, сказал:

– Я у шефа. Двигайте сюда.

Появились они в кабинете с завидной оперативностью. Пилот и Белый вышли из-за стола им навстречу. После обмена приветствиями и взаимного поздравления с наступающим новым годом все уселись по местам.

– Выкладывайте! – распорядился Пилот.

Юлия скромно предоставила эту возможность возлюбленному мужу.

– Лаборатория приступила к производству «дуста», – начал выкладывать Георгий. – Отправка первой оптовой партии ожидается в первой декаде января. Вероятнее всего, на военно-транспортном самолете, арендованном казахами у нашего министерства обороны, с посадкой на Чкаловском аэродроме. Груз будут сопровождать транспортные полицейские.

– Информация надежна?

– Вполне, – подтвердил Белый. – В прослушке тоже зафиксирована.

– Информация поступила от Таксиста, – продолжил Георгий. – Его по моей рекомендации Доктор взял на работу шофером-телохранителем к Ботанику.

- А тебя он еще не приставил к дутовому делу, Ромео?
- Делиться не хочет. Со мной – только флотские дела. Кстати, на швейцарский счет он перечислил не двадцать процентов оговоренной суммы за обмундирование для военных моряков, а пять. Всю сумму готов выложить после получения товара. За обмундированием прилетит самолет.
- Я полагаю, тот самый транспортник, что доставит в Москву «дуст»?
- Возможно.
- Чтобы порожний рейс не гонять, – вмешался Белый. – Скупердяй, стропорез ему в зад!
- Что еще?
- Таксист сообщил, что у Доктора возникли большие проблемы. Из-за этого он даже увеличил долю генерала – колобка на десять процентов.
- Война с Исмагиловым? – уточнил Пилот.
- Да. Есть жертвы с обеих сторон. Корейнку Вику у Исмаилова умыкнули, держат ее в военном городке у Ботаника.
- Туды их в медь! – отреагировал Пилот.
- Доктор запросил мировую и пообещал вернуть Исмагилову любовницу. Тот пригрозил пустить его на шашлык. Доктор засел в своем особняке и удвоил охрану. Ботаник носа не кажет из военного городка. Недавно поручил Таксисту возить двух полицейских из аэропорта в больницу, где лежал раненый Штангист. Люди Исмаилова подстерегли машину и обстреляли. Полицейских убили, Таксиста доставили к Исмагилову. Тот посчитал, что сумел его завербовать и решил с его помощью вызволить корейнку.
- Втравили мы мужика в историю, – проговорил Пилот. – Как думаешь, Ромео, он выкрутится?
- Выкрутится. Но сидит на динамите. Сильно переживает за семью. Собирается отправить ее в Москву. Я обещал ему нашу поддержку.
- В чем она должна заключаться?
- Жилье семье понадобится.
- У нас только общежитие для сотрудников.
- Он и есть наш сотрудник. Пока негласный. А после окончания операции его можно зачислить в штат. Человек он подготовленный, нашу бурсу запросто выдержит. У нас есть явочные квартиры.
- Они – табу. Можешь отдать семье Таксиста квартиру, которая оформлена на вас.
- Мы согласны. Правильно, Юля?
- Юлия хорошо помнила, как Гера умыкнул ее из Шакши и привез в квартиру, принадлежавшую когда-то семье, эмигрировавшей в Израиль. Юлия в тот день была в таком состоянии, что даже не спросила, в каком городе они находятся. Только на другое утро узнала, что это подмосковные Люберцы. Больше недели они прожили там, пока Юлию не зачислили в бурсу, и им с Герой не выделили служебную малосемейку в городке. Но время от времени они с Герой появлялись в Люберцах и даже проводили в своей квартире редкие выходные. И вот теперь Георгий решил отдать её. Скрепя сердце, она подтвердила:
 - Правильно, – хотя правильным ей это совсем не показалось.
 - С этим вопросом покончили, – сказал Пилот. – Давайте думать, как исправлять вашу ошибку.
 - Какую ошибку? – спросила Юлия, пребывавшая в миноре.
 - Не предотвратили разборку.
 - Как мы могли ее предотвратить?
 - Придумать должны были. Трупы и заложники не ко времени. Могут помешать операции.

– Доктор от таких денег не отступится, – попытался оправдаться Георгий. – От Исмагилова его транспортный генерал прикроет. Тоже не захочет свою выгоду упускать.

– Ладно, замяли. Будем надеяться на Таксиста. На сегодня всё. Не забыли про новый год? У вас час времени, чтобы почистить перышки. Встречаемся в двадцать один ноль-ноль в столовой...

– Может, золотые звездочки наденем? – спросил Белый, когда Юлия с Георгием покинули кабинет.

– Стоит ли?

– А почему нет? Мы их по-честному заработали.

– Уговорил. Только без военной формы.

– Само собой. Форма на 23 февраля.

– Кстати, Белый. Запусти-ка Джульетту в «Центр йоги». Пусть глянет на гуру женским глазом.

– Без проблем. Я и сам собрался это сделать...

4

Канун нового года, несмотря на субботний день, не был выходным для Талгата, хотя лаборантам Ботаник предоставил две недели отдыха, и они уже отправились на рождественские каникулы. Как обычно, Талгат прибыл к восьми утра, выгнал газик из бокса, прогрел его. Усаживаясь в кабину, он заметил развернувшийся у КПП в их сторону джип. Вездеход остановился у подъезда, и из него вылез полковник Бульга. Подал Талгату руку:

– Готовься к заданию, морпех. Справишься – у меня служить будешь, – и исчез в здании.

Талгат не желал никаких новых заданий, пока не обезопасит жену и дочь. С продажей квартиры еще было глухо. А на его комнату нашлась покупательница, чимкентская студентка, учившаяся в Алма-Ате. Ее отец даже согласился взять на себя все хлопоты с оформлением купли-продажи и должен прибыть со дня на день. Талгат чаще ночевал в коммуналке, чем дома. Однако новогоднюю ночь решил провести с семьей.

Он нутром чувствовал, что назревают неприятные события. Передавая Вике конверт и кекс, понимал, что это не просто любовный презент. Предполагал, что за ним должно что-то последовать. Что? Нападение со стрельбой и взрывами? Или что-нибудь более хитрое?.. Надеялся, что все произойдет под покровом темноты, когда его не будет в городке, и участвовать в заварушке ему не придется.

Накануне он ездил с педиком Никой в супермаркет, тот должен был отовариться деликатесами для встречи нового года. Из супермаркета рыжий появился не один, а с высоким мускулистым красавцем, толкавшим наполненную пакетами коляску. Красавец загрузил пакеты в машину, ущипнул на прощанье Ника за задницу. Тот игриво шлепнул его по руке и помахал вслед пальцами. Талгату их игры были до лампочки, но все равно этот факт насторожил его. Не похож был красавец на голубого. Впрочем, его дело крутить баранку...

Падал редкий снежок. Из кабины газика Талгату было видно, как солдаты сгребают лопатами и листами фанеры снег с дорожек и с плаца. Не работа, а развлечение, в снежки играют. Поковыряли бы сугробы там, где служили они с Георгием, поняли бы, что такое зима. Появившийся на крыльце охранник замахал рукой, призывая Талгата в дом. Понадобился он полковнику Бульге и Ботанику.

– Пятого января будешь сопровождать в Москву самолет с грузом китайской электроники, – сказал полковник.

– Контрабанда? – лицо Талгата оставалось невозмутимым.

– Упаси Бог! Все законно. Таможенные пошлины будут официально уплачены получателями груза. Они и подмажут, кого надо. Сопроводишь товар до адресата. Твоя задача, чтобы

он дошел без утруски и оформлен, как положено. В общем, экспедиторская работа. Никаких денежных расчетов, легкая прогулка в столицу. По возвращении тысяча зеленых за труды.

– Я один буду с грузом?

– Нет, еще двое моих полицейских с пистолетами. Но они лишь охранники. Тебе огнестрельного оружия не положено. Твое оружие – морпеховский нож. Но это так, на всякий случай. Проблемы исключены.

– Да, исключены, – подтвердил Ботаник, поглаживая аккуратную бородку. – Вам выдадут командировочные в рублях и, на всякий случай, три тысячи зеленую под отчет. Валюта может понадобиться для ублажения чиновников. Чтобы не тянули резину и не придирались. Не понадобится – вернете мне по возвращению.

– Обратно мы как? Этим же самолетом?

– Полицейские вернутся своим ходом, а вам надо находиться с экипажем, пока самолет не вернется в Алма-Ату, – ответил Ботаник. – Это распоряжение Доктора.

– Химичит ваш шеф, – недовольно проговорил полковник.

– Не химичит, а делает бизнес. Имеет право, потому что за чартер заплатил он.

– Хотел бы я знать, что за бизнес.

Ботаник поглядел на него с укором:

– Лично мне это не интересно. У меня свой бизнес.

– Что мне сейчас делать? – спросил Талгат.

– До пятого января отдыхать, – великодушно разрешил Ботаник. – Инструктаж перед вылетом. Если понадобится раньше, позвоню. Можете быть свободны.

Для Талгата отдых был приятным сюрпризом. Выходя из здания, он столкнулся с Викой. Она по-своему подмигнула ему и сказала:

– Спасибо за кекс.

К семье Талгат сразу не поехал, отправился на улицу Розыбакиева. По дороге прикидывал и так, и этак, но не мог взять в толк, с какой целью его отправляют в Москву с грузом китайской электроники. Объяснение напрашивалось только одно: отвлечь внимание от наркотиков. Но в Москве запросто могут прихватить, как наркокурьера, и законопатить на нары. Одна надежда, что начальство Георгия вмешается, не даст угодить за решетку.

Сошел он на остановке и, сокращая путь, привычно двинулся между стоявшими вразброд домами. Хотел уже зайти в свой подъезд, когда услышал:

– Эй, погоди!

От соседнего дома к нему направлялся уже знакомый исмагиловский посланец со скошенным подбородком. Подошел к Талгату и показал на припаркованную на заснеженной детской площадке вазовскую шестерку:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.